

תקציר הספר

הספר "דור אל דור" נכתב כחלק מפרויקט תמיכה לניצולי שואה דוברי רוסית, פרי שיתוף פעולה בין מועדון ניצולי שואה בבית הכרם שמופעל מטעם המחלקה לשירותים חברתיים של עיריית ירושלים ו"מרכז אלה" להתמודדות עם אובדן. שבעת חברי הפרויקט, ניצולי שואה מחבר העמים, יצרו את הספר כחלק ממפגשים של שיתוף ועבודה קבוצתית של כתיבה ועריכה. הקבוצה נפגשה פעם בשבוע במהלך כחצי שנה במועדון לגיל הזהב בבית הכרם בהנחיית דינה כשד"ן, עובדת סוציאלית מטעם מרכז אלה, ובריכוזה של ברטה רינברג מטעם המחלקה לשירותים חברתיים בעיריית ירושלים.

מטרות הקבוצה היו להעניק תמיכה לחברי הקבוצה תוך בניית קבוצת השתייכות, ולעבד זיכרונות כאובים מהעבר תוך חיבור לדמויות משמעותיות. כל שבוע התנדב חבר בקבוצה לספר על מישהו יקר לו מעברו או על אירוע שהיה משמעותי עבורו. בעיצומו של התהליך, בחרה הקבוצה לעבוד על פרויקט משותף: להפיק ספר זיכרונות ויצירה על בסיס הסיפורים, הצילומים והיצירות האישיות שעליהם עבדו ושאותם שיתפו החברים זה עם זה במהלך הפגישות. כל זאת, מתוך רצון להנחיל לילדים ולדורות הבאים את המורשת האישית והמשפחתית שלהם. ספר זה הוא פרי התהליך הזה.

הספר כולל סיפורי זיכרונות רבים. יש בו סיפורי ילדות בזמן השואה ומילוט מהגרמנים, זיכרונות על הורים שנהרגו בזמן המלחמה, סיפורים על התקופה הסטליניסטית והמשטר הסובייטי, סיפורים משפחתיים על תקומה יהודית ועל קהילות יהודיות בחבר העמים, וסיפורים על קשר בין דורות. בנוסף, תמצאו בו מכתבים שכתבו חברי הקבוצה להוריהם, מכתבים שיש בהם תודה, בקשת סליחה, וניסיון לסגור מעגלים.

הספר מתחלק להקדמה וארבעה פרקים: הפרק הראשון בונה פרופיל של קהילות יהודיות בחבר העמים המיוצגות על ידי חברי הקבוצה, הפרק השני מכיל סיפורים על תקומה יהודית משנות ה-70 ו-90, הפרק השלישי מתאר קשר בין דורי הנפרש על פני ארבעה דורות, ולסיום - פרק של שירים, כתובים על-ידי חברי הקבוצה.

רצון הקבוצה היה שחוט השני הקושר את כל חלקי הספר יהיה "**בחירה בחיים וניצחון החיים על המוות ברמה אישית ורמה לאומית**". זאת התמה של הספר, ולאורה - כתבנו, יצרנו ושיתפנו.

Связь поколений

**Воспоминания и размышления, письма и документы,
стихи и проза о прошлом и настоящем, о жизни и смерти,
о галуте и Исходе**

пенсионеров иерусалимского района Бейт а-Керем

Июнь 2016

Авторы:

Семен Августевич.

Наталья Буряковская.

Елена Быстрова.

Ася Давидова.

Инна Давыдова.

Ривка Юха.

Авторы стихов:

Фрида Мостовая.

Берта Риненберг.

Составители: Дина Каждан и Семен Августевич.

Редактура: Наталья Буряковская и Берта Риненберг.

Оформление и верстка: Марк Мальтинский.

Оглавление

<u>СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ: КАЖДЫЙ АВТОР – ГОСТЬ</u>	5
<u>ВСТУПЛЕНИЕ. О ЧЕМ ЭТА КНИГА</u>	5
<u>ОТКУДА МЫ</u>	13
<u>ЕЛЕНА БЫСТРОВА. О ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ</u>	13
<u>РИВКА ЮХА (РАПОПОРТ). ГОМЕЛЬ – ГОРОД, ГДЕ Я РОДИЛАСЬ И ВЫРОСЛА</u>	18
<u>ЕВРЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЕВРЕЕВ СНГ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ</u>	22
<u>ИННА ДАВИДОВА. СТРОИТЕЛЬСТВО ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В Г. ЯРОСЛАВЛЕ</u>	22
<u>АСЯ ДАВИДОВА. Я - ИЗ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ</u>	28
<u>СЕМЁН АВГУСТЕВИЧ. ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНКА — ОБЩИНА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ НАЛЬЧИКА</u>	34
<u>СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ</u>	44
<u>НАТАЛИЯ БУРЯКОВСКАЯ. ВЗГЛЯД НА СВОЮ БИОГРАФИЮ КАК БЫ СО СТОРОНЫ</u>	44
<u><i>Несколько слов о моем отце</i></u>	45
<u>ЕЛЕНА БЫСТРОВА. ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ</u>	50
<u>СЕМЁН АВГУСТЕВИЧ. ПРИМУС</u>	55
<u>СЕМЁН АВГУСТЕВИЧ. ЛЕЙТЕНАНТ МОИСЕЙ АВГУСТЕВИЧ, РУССКИЙ</u>	60
<u>РИВКА ЮХА (РАПОПОРТ). МОЯ СЕМЬЯ</u>	70
<u>РИВКА ЮХА (РАПОПОРТ). ПИСЬМА РОДИТЕЛЯМ</u>	73
<u><i>Письмо отцу</i></u>	73
<u><i>Письмо маме</i></u>	76
<u><i>Ответ мамы</i></u>	78
<u><i>Поколение детей и внуков</i></u>	78
<u>СТИХИ</u>	81
<u>РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. РЕКВИЕМ (ФРАГМЕНТ)</u>	81
<u>БЕРТА РИНЕНБЕРГ. КРЫШИ СТАРОГО ГОРОДА</u>	82
<u>ФРИДА МОСТОВАЯ. ИЕРУСАЛИМ</u>	83

Связь поколений: Каждый автор – гость.

Вступление. О чем эта книга.

Рождение этой книги удивительно, неожиданно и... закономерно.

Однажды к группе русскоязычных израильтян, проживающих в старинном квартале Иерусалима Бейт а-Керем, которую ведет наша преданная и энергичная Берта Риненберг, пришла молодая симпатичная женщина и сказала, что ее зовут **Дина Каждан** и у нее есть идея создать альбом воспоминаний разных людей.

Этот альбом, – сказала Дина, – собрал бы рассказы о невысказанных переживаниях, раскрыл боль от потери близких. На его страницах могли бы мысленно встретиться люди разных поколений, родители и дети, чтобы поговорить между собой, что-то уточнить, что-то простить, а что-то узнать подробнее. Получилась бы такая понятная, но в тоже время необычная книга.

– Но зачем это? Кому это будет адресовано? - спросили мы ее.

– Это нужно вам, – убежденно сказала Дина. - Я знаю точно: на сердце каждого человека лежат тяжелым грузом невысказанные слова, несбывшиеся желания и затаенные обиды. Если все это оживить, высказать, рассказать, то мир человека значительно просветлеет, а жить станет легче.

В группе было семь постоянных участников из разных стран бывшего СНГ. Группа встречалась в течение полугода. При каждой встрече участники рассказывали о своих родных и любимых людях. Рассказ одного пробуждал память другого; мы узнали, как у нас много общего, несмотря на такие разные судьбы. Один как бы озвучивал боль другого. Появилась возможность в процессе групповой работы высказать родным недосказанное при жизни и даже представить ответы любимых на эти слова. Часто это успокаивало боль и давало возможность посмотреть на прошлое новыми глазами.

Из поднимаемых тем особенно выделялись темы связи поколений, отношений, которые состоялись или не состоялись, тема еврейского наследия: ассимиляция и, наоборот, возрождение.

Сборник "Связь поколений" собирает в себе воспоминания, письма и фотографии, которыми участники группы делились друг с другом. Для всей группы важно передать эту память своим детям, чтобы они могли лучше понять своих родителей и передать память дальше.

Каждый участник группы сформулировал по-своему ответ на вопрос, почему этот сборник для него важен.

Дина Каждан

Около полугода назад несколько человек из числа жителей иерусалимского района Бейт ха-Керем, приехавших в разные годы из бывшего СССР и нынешней России, объединились для того, чтобы создать эту книгу. Мы видели ее как пространство, которое будет насыщено памятью о евреях и о еврейской жизни в России. Мы хотели переосмыслить наше прошлое, взглянуть на него через призму новой жизни в Израиле и послать, таким образом, привет следующему поколению.

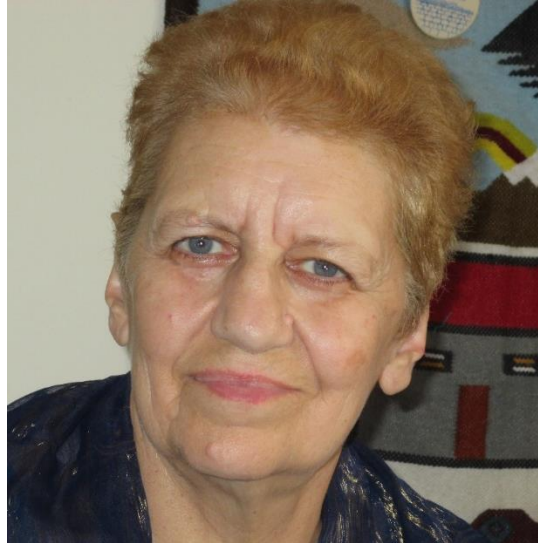
В еврейской традиции существует убеждение, что праведники остаются живыми после смерти, потому что мы вспоминаем о них. А грешники - остаются мертвыми, потому что мы вычеркиваем их из нашей памяти. Мы с теплотой и любовью вспоминаем наших друзей, знакомых, родных и близких и тем самым возвращаем их к жизни.

В нашей традиции принято каждый год вновь и вновь читать Тору, потому что это дает возможность увидеть в ней новые аспекты, новые мысли. Мы все с годами меняемся, меняются наши мысли, чувства, ценности и убеждения. И с этих новых позиций нам открываются в святых текстах новые глубины мысли. Подобно этому, возвращаясь к прожитым годам и событиям, мы открываем в них новое содержание, постигаем истоки своего опыта и яснее понимаем причины наших поступков.

Эта книга - результат пути, который прошла группа в течение полугода, встречаясь еженедельно, чтобы выслушать воспоминания каждого из участников, понять его переживания и помочь ему оценить, как это все сказалось на его сегодняшней жизни.

Каждый рассказ поднимал в памяти других участников новые пласты воспоминаний, а они, в свою очередь, обостряли анализ прошлого. О чем бы ни вспоминал каждый из нас, в его текстах есть доля участия друзей. И это делает наш опыт, нашу книгу – уникальной.

Наташа Буряковская

Мне наши встречи очень много дали для нового понимания моих родителей. Я на их жизнь, на мою жизнь с ними как бы взглянула новыми глазами. Я смотрела на старые семейные фотографии и открывала какие-то новые черты характера моих родителей, прежде всего, моего отца. Когда я готовила рассказ о нем, как будто возникли новые связи, которые соединяли меня лично с моими родителями. Я оживила эту связь в своем рассказе, укрепила ее.

Инна Давыдова

Вначале я хотела рассказать о тяжелых годах эвакуации из Киева, о тех мытарствах, лишениях и трудностях, которые перенесла наша мама с двумя маленькими детьми на руках. Но оглядываясь на прошлое, поняла, что годы учебы, получения профессии, становления меня как специалиста, создание семьи - не менее важные и волнующие. Однако самым значительным эпизодом моей биографии были годы, в которые мне вместе с членами моей семьи пришлось возрождать и создавать еврейскую общину в городе Ярославле. Сейчас в это трудно поверить, но тогда, в начале 1990-х годов, нам хватило энтузиазма и работоспособности, чтобы преодолеть инерцию и застой.

Семен Августевич

Сегодня очень важно сохранить память и свидетельства того, как выглядела в прошлые годы жизнь еврейских семей, жизнь наших близких и родных. Как складывались отношения между ними. Иногда люди стесняются своего прошлого, стыдятся его. Порой хочется, чтобы прошлое выглядело как-то иначе, более веселым, более содержательным, значительным. Но чтобы рассказ о прошлом был документом, он должен быть правдивым. И главный смысл наших встреч был в том, чтобы сохранить правдивость оценок и суждений того времени.

Мы вспоминали прошлое, чтобы лучше понять его. В наше динамичное время мы обычно приписываем прошлым событиям новые значения. Но если мы исказим факты, тогда следующему поколению будет трудно понять ожидания и надежды прошлых лет. Я бы хотел, чтобы наш коллективный сборник как документ был правдив. Мне кажется, в этом есть его главный смысл.

Ася Давидова

Я хочу, чтобы в этой книге сохранились страницы с рассказом о моем детстве, о самых тяжелых годах моей жизни. Мы вынесли большие трудности, чтобы дети наши жили счастливо. Но они должны знать, каких трудов нам все это стоило. Я убеждена, что мои дети будут гордиться своими предками, своей родиной, своей страной. И не стремиться жить где-то на чужбине, когда у них есть здесь прекрасный дом и своя страна.

Может быть, есть люди, которые считают, что лучше в Америке, лучше в Канаде, лучше еще где-то. Но я считаю, что лучше, чем на нашей Святой Земле, нам нигде не будет.

Ривка Юха

Наши еженедельные встречи я посвятила своим родителям и общению с ними в письмах. Их жизни были принесены в жертву кровавому идолу Второй Мировой войны, и, как праведники, они заслуживают, чтобы мы о них помнили. Я писала им, как живым, и они действительно оживали в моих воспоминаниях и отвечали мне. Эти встречи с ними были такими искренними и волнующими.

Елена Быстрова

У нынешнего поколения евреев, особенно у молодежи, часто можно наблюдать довольно скептическое отношение к "галутным евреям". Но наши еженедельные встречи в группе вместе с Диной Каждан помогли нам понять, как складывалась тогдашняя повседневная жизнь евреев, раскрыли их непростые жизненные пути, мужество, жизненную стойкость, верность своему народу. Я считаю, что все мы, кто имеет счастье жить в Израиле или даже просто жить в мире, где впервые за много веков есть государство евреев, должны быть благодарны поколениям "галутных евреев", которые смогли в тяжелейших условиях жизни сохранить свой народ, традиции, религию, культуру.

Откуда мы

Елена Быстрова. О еврейской жизни в России.

"Но кто мы и откуда?"

Борис Пастернак

После революции 1917 года и ликвидации черты оседлости евреи расселились по всей территории бывшей Российской империи.

Многие евреи переселились в большие города, где ассимиляция проходила гораздо быстрее. Ярким **примером ассимилированного проживания** евреев была жизнь евреев в Москве.

До революции в Москве могли проживать только евреи – купцы первой гильдии. Прочие евреи могли приезжать только по приглашению на срок не более месяца, а затем появлялся городской и вежливо напоминал, что время пребывания истекло и пора убраться восвояси, т.е. за черту оседлости. После революции многие евреи устремились на жительство в Москву и в другие крупные города – перспективы трудоустройства, возможность получения образования и часто необходимость ускользнуть от "всевидящего глаза и от всеслышащих ушей" чекистов. И потому евреев в Москве как и в других крупных городах, в предвоенные и послевоенные годы было много. Жизнь их в бытовом плане мало отличалась от жизни остальных москвичей. А жизнь москвичей протекала не только в тесноте коммунальных квартир, но и в московских дворах. Мое, например, детство прошло в типичном московском дворе в центральной части города. Двухэтажные домики и сараи подковой окружали дворик с "громадной" горой - остатком когда-то обрушавшегося недостроенного дома. Во времена моего детства мы зимой катались с этой горки на санках и на "ногах", нескончаемые игры в "войну" бушевали во дворе, поленицах дров, на крышах и вокруг сараев. Быт в городах в те времена даже в Москве был во многом деревенский. Дома наши отапливались дровами, в комнатах стояли громадные (относительно размеров комнат) печи, иногда кафельные. Дрова надо было закупать на специальных складах, привезить домой, распиливать на козлах и колоть. Хранились дрова в поленицах в сараях и рядом с ними. Каждый вечер во всех семьях начинался с растопки печей. Позже дрова заменили на газ, и это было большим облегчением. У каждой семьи был свой сарай. А в каждом сарае – погреб. С осени запасали картошку, лук, квашенную капусту. Иногда в сараях держали кроликов. А из коммунальных удобств в квартире был туалет, а также раковина и газовая плита на кухне (по конфорке на комнату, то бишь на семью). И у каждой семьи – комнаты был свой стол на кухне, и на этом столе готовили, а также стирали в корытах. И еженедельные уборки по кухне – каждая семья убирала столько раз, сколько человек было в семье. А по пятницам – субботам ходили мы в баню.

Жизнь в московских и вообще городских дворах носила много черт общины и часто вопросы совместной жизни решались на собраниях помимо официальных властей и парткомов. Вот как решили в одной из квартир вопрос жилплощади для взрослого сына одной из семей. Сын женился, а жить было решительно негде – в комнате родителей уже жила семья брата. Собрался квартирный "сход", естественно, молодожены поставили бутылочку – и общество разрешило отгородить от кухни комнату – пенал для молодых, в которой они и жили до сноса дома в период хрущевских новостроек.

А в какой праздник превращался ежеосенний процесс рубки капусты для засолки на зиму!!! Заранее закупаются капуста и морковь, ремонтировались деревянные бочки.

Выбирался погожий октябрьский денек – и все семьи дружно принимались за работу – мылись и шпарились кипятком бочки, на огромных шинковках нарезалась капуста. Шинковки переходили от семьи к семье, дети дружно грызли кочерыжки и носились по двору. Многие квасили капусту больше, чем нужно было для семьи, – не только для себя, но и для тех кто не мог поквасить сам. Капуста получалась вкусной, хрустящей – лакомство на всю зиму и весну. И всю зиму еженедельная забота – походы в сарай – надо обмывать бочки с капустой, перебирать картофель и лук, набрать домой очередную порцию овощей.

Дети жили в обстановке взаимопомощи, старушка–соседка могла "изловить" любого ребенка во дворе и попросить купить сметанки, например, – и никому не приходило в голову отказать. Магазин находился на первом этаже одного из наших домов, служебный вход выходил в наш двор. Продукты тогда редко привозили на машинах, чаще на повозках с лошадьми. И детишки наперебой старались угостить лошадок, пытались их погладить. Детей с раннего возраста, с 3–4 лет, выпускали гулять во двор одних. "Управление" было форточным и весьма эффективным.

Социальный состав жильцов был довольно пестрым – рабочие, интеллигенция, служащие. Были и пьющие семьи – но пили тогда "по расписанию" – только в дни получек, зато иногда весьма громко – со скандалом, мордобоем и разгоном семьи по соседям. А назавтра – тяжелое похмелье и мирная жизнь до следующей получки.

Пестрым был и национальный состав – большинство, естественно, составляли русские, были несколько еврейских семей, и даже татарская. Проявлений антисемитизма почти не было, и за все мое дворовое детство была только одна драка на эту тему – соседской девочке показалось смешным имя моей матери. Еврейские национальные и религиозные обычаи почти не соблюдались. Но на еврейские праздники помню обязательные походы своего отца "со товарищи" в синагогу "на горку", покупку там же мацы и вздохи мамы – нельзя ведь мацу держать рядом с хлебом, а мы нарушаем. И помню обязательное кипячение кастрюлей после готовки. Из соображений безопасности детям часто не рассказывали историю семьи, боялись говорить о еврейских обычаях, и "на горку", к сожалению, их не брали. А взрослые часто шептались о громадном количестве "наблюдающих" на еврейских праздниках у синагоги.

Другим типом проживания евреев в больших городах было **компактное проживание евреев, но без образования общин**. Примером такого проживания является жизнь евреев в советское время в Гомеле, где родилась и провела свое детство наш соавтор **Ривка Юха**.

Компактное проживание предоставляло больше возможностей для сохранения национальных обычаев, уменьшало количество смешанных браков, но религиозная составляющая в еврейской жизни в то время, как правило, отсутствовала. Только очень небольшое количество семей соблюдало обычаи.

Гораздо менее распространенным было проживание евреев в **отдельных кварталах городов и в отдельных поселках с самоуправлением, т.е. общиной.** Примером проживания евреев в **отдельном квартале** является жизнь горских евреев в **городе Нальчике** в Кабардино – Балкарии. Известно **полностью еврейское поселение** горских евреев в Азербайджане - **это Красная слобода**. Вообще до большой репатриации наиболее массовые горско-еврейские общины были в Грозном, Махачкале, *Дербенте, Баку, Кубе и других городах. Ася Давидова, одна из наших соавторов*, происходит из горских евреев Кавказа. Она родилась в 1932 году в районе, который назывался "Еврейская колонка" в Нальчике и жила в нем до отъезда в Израиль. Горские евреи прошли сквозь тысячи лет угнетения, преследования и притеснения.. Быт горских евреев Нальчика мало отличался от быта коренных жителей - балкарцев и кабардинцев, да и внешне они были похожи на них. Евреи пользовались уважением и дружеским расположением коренных жителей, но не смешивались с ними , очень редко вступали в смешанные браки и сумели сохранить свою национальную самобытность и религию, обычаи. Все евреи Кавказа были связаны между собой семейными и дружескими узами.

Представители общины горских евреев Нальчика жили в отдельном квартале и занимались, в основном, выделкой шкур, скорняжным делом и торговлей. Благодаря хорошим отношениям с властями, кабардинцами и балкарцами община процветала. Хочется отметить, что, несмотря на советскую пропаганду атеизма, нальчикских евреев всегда отличала верность традициям иудаизма: выполнялись обряды обрезания, бармицвы, хупы, в определенной степени соблюдался кошрут. В течение 20-го века общине Нальчика пришлось пережить два больших потрясения. Первое было связано с захватом города немецкими фашистами, "колонка" уцелела лишь благодаря двум факторам: из-за того, что немцы надолго не задержались, а местные жители не выдавали евреев немцам. Это и спасло еврейский квартал от полного уничтожения. Второе же потрясение произошло в конце 1980-х и начале 1990-х. С началом перестройки стабильность в регионе нарушилась, многие представители горских народов, прикрываясь национально-освободительными идеями, занимались откровенным рэкетом и разбоем. В этот период обстановка в Кабардино-Балкарии, была накалена до предела, в республике царил откровенный криминальный хаос, и, по "старой традиции" объектом нападения часто становились именно жители "колонки". Почему? Издревле, на Кавказе правит сильный. Тот, кто обладает большими человеческими и финансовыми ресурсами. Т. е. попросту тот, кто является более многочисленным и лучше вооруженным. Совершенно очевидно, что евреи, впрочем, как и русские, не могли поспорить с местными народами ни по одному из вышеуказанных "направлений" Однако, необходимо отметить, что никто не грабил и не убивал евреев из-за антисемитских настроений. Просто слухи о баснословном богатстве общины давно гуляли по Северному Кавказу. И вот начались похищения жителей с целью выкупа. Некоторые местные криминальные элементы, практически открыто выгоняли евреев из понравившихся домов. Именно, в этот период большинство

жителей колонки покинуло Кабардино-Балкарию: они уезжают в другие города России, в Израиль, в США и Европу. Стоит заметить, что массовый исход евреев в Нальчике был связан не только с криминогенной обстановкой, но и с низким уровнем жизни в регионе.

Как мы все знаем из своей жизни, на своем жизненном пути евреи Советского союза сталкивались с разными людьми других национальностей и, соответственно, с разным к себе отношением. Весьма распространенным в сталинское да и в послесталинское время, был тип людей продвигающихся в жизни и строящих карьеру с помощью принадлежности к "органам", к КГБ.

В любом человеческом обществе люди хотят быть хорошими, т.е. уважаемыми людьми с точки зрения этого общества. И важнейшей идеологической задачей общества – сделать так, чтобы официальная идеология стала "родной" для большинства его членов. В этом залог стабильности и успешности общества. Здесь уж все методы хороши – от материальных до физических. И сталинское общество не исключение. Лозунг "Кадровые решают все" означал, что на каждом месте должен стоять человек лично преданный идеям и имени Сталина. И этот кадровый принцип неукоснительно исполнялся. Как один из основных методов решения этой задачи – предоставлялась возможность для способной (а иногда и не очень) молодежи из "низов" продвинуться в жизни, построить карьеру при выполнении основного обязательного условия – безусловного принятия сталинского "морального кодекса". Минимальное образование и максимальное честолюбие этой молодежи чрезвычайно способствовали решению этой задачи. Всевозможные "чистки" - одно из проявлений этого процесса, когда "идеологически подкованная" и наскоро образованная молодежь заменяла спецов – интеллектуалов с классическим образованием и воспитанием. И очень часто эти выдвиженцы чистосердечно верили в свою исключительность, полезность для общества и заслуги (зачастую кровавые). Они требовали к себе повышенного уважения и считали, что "простые люди" им не равня.

Судьба моя сложилась так, что я долгие годы общалась с одним из таких "птенцов сталинского гнезда" – назовем его товарищ Королев. Он был незаконнорожденным и с детства познал унижение и бедность. Мать его, простая полуграмотная женщина, была человеком исключительной силы духа, мужества и трудолюбия. Она не озлобилась от унижений и нужды, была доброй и порядочной женщиной. Умный и энергичный от природы, Королев очень хотел выдвинуться, но к технической работе после железнодорожной школы ФЗУ у него особой склонности не было, он был человеком скорее гуманитарного склада. Скромные трудовые будни не устраивали тщеславного юношу. Он поступает на рабфак, а затем в институт. Учеба не увлекает, но появляется возможность по Комсомольскому набору поступить в военное училище. И вот во время войны он становится диспетчером на железной дороге и уже связан с КГБ. В условиях военного времени у него в руках оказывается практически

безграничная власть. А успех и уважение в глазах начальства здесь часто зависят от неразборчивости в средствах достижения цели, от умения любой ценой заставить людей выполнять даже самые неразумные и жестокие приказы – и в этом он преуспел. В личных письмах он хвастался, что лучше всех, что он умеет заставить выполнять приказы, нажимая на людей, запугивая и ошарашивая их. И вот он, прежде униженный и обездоленный, наконец-то на первых ролях. Общество в лице его командования признавало правильной его тактику – вседозволенность и неразборчивость в средствах по отношению к зависимым от него людям для достижения поставленной цели и одновременно вежливость и корректность в отношении начальства. И эта тактика осталась у него на всю жизнь. Он был идеальным исполнителем самых жестоких задач – поддерживал "порядок" среди заключенных, участвовал в выселении народов...

И даже будучи на пенсии и уже не работая в КГБ, считал нужным доносить о не понравившихся высказываниях своих знакомых. И чувствовал себя лучшим, не ровней другим "простым" людям.

Так система изуродовала и сломала способного умного человека, "прогнула" под себя.

Ривка Юха (Рапопорт). Гомель – город, где я родилась и выросла.

Я родилась в городе Гомель, областном центре Белорусской ССР, который в прошлом находился в черте оседлости еврейского населения Российской империи. Гомель расположен на юго-востоке Белоруссии, на реке Сож – притоке Днепра.

Гомель упоминается в летописях, начиная с 1142 г. В разные периоды он входил в состав Великого княжества Литовского (1335-1569), Польши (до 1772) и России (с 1772 г.). До установления в Гомеле советской власти в 1919 г. им владели разные князья, подданные этих стран.

После присоединения Гомеля к Российской империи и создания черты оседлости он становится одним из центров расселения еврейского населения. Согласно переписи 1897 года в Гомеле проживало 20385 евреев, что составляло 55% всего населения города.

Большая синагога, построена в 1822 году. Фото 1910 г.

В 1903 году в Гомеле прошёл еврейский погром. Погромы в российских городах не редкость. Но к этому событию было приковано внимание всего мира. Дело о гомельском погроме рассматривалось на судебном процессе 29 августа 1903 года. Этим процессом живо интересовались не только в России, но и за границей. Открытые двери заседаний дали возможность печати сделать историю погрома достоянием общества. Для евреев же процесс этот представлял жгучий интерес, потому что на скамье подсудимых, наряду с насильниками и убийцами, оказались 36 евреев, защищавших свою жизнь и своих единомышленников. Эти евреи оказали вооруженное сопротивление погромщикам, и власти обвинили их в учинении «русского погрома». Так было положено начало еврейской самообороне, и эти 36 человек вызвали к себе большую симпатию лучших представителей русской адвокатуры.

Выгодное транспортно-географическое положение способствовало росту Гомеля как промышленного центра.

Последними владельцами города были князья Румянцевы и Паскевичи. Ими был возведен Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Петропавловский собор, школы, больницы, ряд мастерских, предприятий и других зданий. С середины XIX века сложилась планировка города, сохранившаяся до наших дней. С центром - Дворцом, парком и Соборной площадью.

К 1913 году Гомель был крупным промышленным центром и насчитывал 104,5 тысячи человек населения. В 1926 году евреи составляли 35% населения города. В период индустриализации была создана фабрика "Коминтерн", паровозо-вагоноремонтный завод, "Гомсельмаш", другие предприятия. В 1940 году в городе было 264 промышленных предприятий.

Гомель был оккупирован фашистской Германией 19 августа 1941 года и освобожден Красной армией 26 ноября 1943 года. Город был разрушен более чем на 80%, уничтожены почти все промышленные предприятия. Не успевшие эвакуироваться евреи, составляющие треть города, практически полностью были уничтожены в Гомельском гетто.

Осенью 1944 г. мама с детьми и другие родственники вернулись в разрушенный город. Здесь в дальнейшем прошли мои школьные годы и юность. Это были трудные полуголодные послевоенные годы. Я прошла обычный жизненный путь советского ребенка: детский сад, десятилетка, два года работы на трикотажной фабрике.

Отрадой для меня в эти годы было чтение книг, которые я, начиная со второго класса, читала запоем. Книги брала в библиотеке Дома пионеров, который располагался во дворце князя Паскевича. Дорога во дворец шла через главную гомельскую достопримечательность – огромный красивый парк. С этим парком у меня связаны лучшие воспоминания тех лет: библиотека, танцплощадка, первые свидания, первый поцелуй...

В 1960 г. я уехала на учебу в Москву, и с тех пор бывала в Гомеле лишь с редкими визитами. Но обязательно навещала парк, который и сейчас остается любимым местом отдыха горожан.

В годы моей юности в Гомеле была большая еврейская община. Но религиозная составляющая в ней отсутствовала. Я сталкивалась с еврейскими обычаями только в семье маминой старшей сестры, где по праздникам готовили еврейские национальные блюда, а её муж ходил молиться в дом, где собирался миньян.

*Гомельский дворцово-парковый ансамбль, основан в XVIII веке.
В южной части парка.*

Массовая эмиграция евреев из Гомеля пришлось на конец 1980-х, начало 1990-х годов, в результате чего еврейское население города к 1999 году в сравнении с 1979 годом сократилось в 6,5 раз. Евреев в городе осталось немного больше 4000 человек.

Большой ущерб городу нанесла авария на Чернобыльской АЭС в 1986 году. Гомель оказался в зоне радиоактивного заражения. Экологическую ситуацию усугубил глубокий экономический кризис, начавшийся в конце 1980-х годов. Это послужило причиной резкого снижения уровня жизни и сокращения рождаемости на протяжении 1990-х годов. В 1991 году Гомель стал частью провозгласившей независимость Белоруссии.

После отъезда в Израиль в 1973 году, я приезжала в Гомель, последний раз в 1999 г. Большинство родных и семья моей сестры с 1991 года уже жили в Израиле. Я приехала на один день и понимала, что это мой последний визит в родной город. Я хотела проститься с могилой моей мамы, которая умерла в 1988 году. После кладбища я прошла по знакомым улицам, побывала в школе и, конечно, в любимом парке. Он сохранил свою былую красоту.

Я чувствовала благодарность и признательность родному городу за его красоту и неординарность, за то, что он много лет был приютом для моей семьи, для моих родных и принял на вечный покой мою маму.

Еврейское кладбище в Гомеле и могила мамы.

На памятном камне - имена родителей, в овалах - фотографии мамы и отца. Хотя отец захоронен и перезахоронен в районе Курской дуги, где он погиб в мае 1942 года, моя сестра Татьяна оформила могилу мамы, как будто они с отцом здесь вместе. Так, как они сохраняются в нашей памяти.

Еврейское самосознание евреев СНГ: прошлое и настоящее

Инна Давыдова. Строительство еврейской общины в г. Ярославле.

Директор Хеседа "Рахель" Инна Давыдова демонстрирует оборудование и инвентарь для нуждающихся

Семья Давыдовых. Женя, Инна Семеновна, Исаак Борисович. 1996 г

Директор Хеседа "Рахель" Инна Давыдова выступает на Попечительском совете. 1997 г.

Здание городской Ярославской синагоги, на ул. Чайковскго 54, которое вернули еврейской общине Ярославля в начале 1990-х годов. Фото 1995 г.

*Инна Семеновна Давыдова и дочь Евгения.
1996 г.*

*Председатель иудейской религиозной
общины Ярославля Исаак Борисович
Давыдов. 1996 г.*

Май 2016 года, Иерусалим. За окном свежая цветущая зелень, еще не покрытая слоем пыли хамсина. Вчера получила письмо из Ярославля, приглашают на празднование

25-летия Еврейской общины города. И сразу нахлынули воспоминания... Тогда шел 1991 год.

Ярославль - один из древнейших городов России, он основан в 1010 году. Естественно, что основным населением в городе были русские православные люди, но миграция и особенно эвакуация во время войны сделали свое дело - сейчас в Ярославле свыше 600 тыс. населения, среди которых еврейская община составляет около 2500 человек.

Первые упоминания о евреях Ярославля относятся к 1635 году, а еврейская община возникла в Ярославле только в середине XIX века. Ее сформировали вышедшие в отставку николаевские рекруты. Затем к ним присоединились ремесленники, получившие права выезда за пределы черты оседлости. К концу XIX века еврейская община в Ярославле уже была довольно крупной – около 1000 человек. В это время в общине появились ремесленники, купцы, адвокаты, врачи.

Это сейчас, а что было в 1990-е годы? Так сложились обстоятельства, что наша семья оказалась в центре событий по возрождению еврейской жизни, и вот почему: наша младшая дочь Евгения (1964) после окончания музыкального училища им. Собинова работала преподавателем детской музыкальной школы и аккомпаниатором в Ярославской филармонии. Естественно, что в такой среде возникали разговоры на еврейские темы. Женя загорелась желанием изучать иврит, и в одну из поездок в Москву летом 1991 г. пошла в театр «Шалом», где тогда размещались еврейские организации. Там она рассказала, что в Ярославле есть группа молодежи, которая хочет изучать иврит. Ее сразу взяли «на карандаш» и пообещали прислать преподавателя иврита, но вместо него приехал представитель ВААДа (Ассоциация еврейских организаций и общин). Мы с ним просидели до 3-х часов утра и буквально в тот же день пригласили несколько еврейских ребят, готовых, так же, как и мы, создавать городскую еврейскую общину. Через несколько дней мы провели первое организационное собрание. Происходило оно во Дворце культуры моторостроителей, разрешение на его проведение дал заместитель директора, который при этом так боялся огласки, что «стоял на часах» у дверей еврейской сходки. Потом Женю вызвали в Москву, где ее представили руководителям уже действующих еврейских организаций и пригласили на семинар, который организовал «Мемориал фондейшн».

В Москве начался августовский путч, и мы очень волновались за Женю, но она приехала домой живая и невредимая с двумя громадными коробками книг. В это же время на теплоходе, плывущем по маршруту Москва-Казань, был организован семинар «Еврейский мир» с участием иностранных еврейских организаций. Зарубежные друзья подарили нам две кассеты фильма «Огненный столп». Для нас это было все впервые, все в диковинку! Но так важно! Так впервые за столько лет советской жизни началась наша свободная национальная беспокойная жизнь на еврейских улицах Ярославля.

Я в то время, окончив Ленинградский текстильный институт легкой промышленности, работала по специальности в НИИ, заведовала отделом, была кандидатом наук, активной общественницей, парторгом организации. Мне уже перевалило далеко за 50 лет. Две дочери. Старшая, Юлия, окончив институт, работает по специальности, у нее чудесная семья, две дочки - мои любимые внучки. Младшая, Женечка, - профессиональный

музыкант, ее хорошо знают и ценят в городе. Успешный муж, работающий в известной всесоюзной проектной организации. Он любит, ценит и уважает меня. Работа и жизнь семьи наполняли всю мою жизнь. Но, оказалось, национальное чувство не было удовлетворено. Что я знала о еврействе? Скупые разрозненные сведения о национальной традиции. Ведь мама, схватив в охапку меня и младшую сестру, бежала от фашистов из горящего Киева; я прожила трудное детство, голодая и замерзая, в Сибири, в Новокузнецке. Какое тут еврейство, о чем можно говорить, только запись в паспорте. Но как только были сняты запреты, как только стало возможным говорить о себе как о еврейской женщине и представилась возможность создавать эту самую еврейскую жизнь, то это затмило все, отодвинуло все текущее на задний план, а главным сделало желание возродить еврейскую жизнь в городе.

Для нормальной деятельности организации нужно было провести собрание, утвердить устав и только тогда зарегистрировать городское еврейское общество. Пока мы все это делали, наш дом был, как говорится, «на военном положении»: без конца кто-то звонил, приходил, что-то обсуждали. Смольный в годы революции.

Сейчас даже не верится, на каком энтузиазме все это делалось.

Первый праздник, который решили провести всем обществом, был ХАНУКА. Желающих было столько, что пришлось проводить его в два захода: сначала для детей, а потом для взрослых. Наша Евгения рассказала ярославцам об организации общины, о целях и задачах. Многие «ахали», не веря, что в Ярославле еще так много евреев, а главное, что возможна такая вольность - спокойно говорить о еврейской национальной жизни... Детей было столько, что речь зашла о необходимости создания детской воскресной школы. В сентябре такая школа начала работать и работает до сих пор.

А потом приехали из Израиля две девочки-волонтеры, которые рассказали об Израиле и о программах для молодежи. Они собрали группу молодых ребят и активно с ними занимались. Все ребята из этой группы, а их было более 10 человек, уехали в Израиль.

А какой был праздник ПЕСАХ?! Как будто собралась большая семья!

А маца, о которой молодежь даже не слышала. Её было несколько коробок, досталось каждому. Но как счастливы были пожилые, многие из которых помнили, как проходил этот праздник в их доме! И как счастливы были мы, когда в разваливавшемся микроавтобусе, любезно выделенном нам директором Ярославской филармонии, по обледелым дорогам, замерзая, везли из Московской синагоги выделенные нам пачки мацы.

С осенними праздниками уже было легче, т.к. из Израиля приехали в помощь две дамы-волонтеры, которые не только помогли нам с проведением праздников, но и организовали изучение иврита в двух группах. Это были наши первые шаги по «еврейской улице».

Сейчас уже, вероятно, не все помнят, как трудно искали помещение для организации, как, с трудом отпрашиваясь на работе, ездили на семинары, как организовывали библиотеку и городской лекторий еврейской культуры, как собирали средства для девочки, получившей травму позвоночника, как раздавали присланные из Америки

посылки с продуктами, ставить которые было негде, и пришлось складировать их в комнате у Жени под роялем, как принимали гостей из Америки, Англии, Израиля.

Время шло... Мы упорно искали материалы о жизни еврейской общины в Ярославле до 1917 года, работали в областном архиве, собирали воспоминания старожилов города. И когда вышел Указ Президента о возврате религиозным конфессиям их собственности, мы были готовы начать эту работу. Но для возвращения бывшего здания синагоги необходимо было создание не светской, а религиозной иудейской организации. Эту работу совет общины поручил моему мужу Исааку Давыдову (1930 - 2010). Он по образованию – инженер, многие годы работал в солидной проектной организации главным инженером проектов по строительству автозаводов страны. Человек совершенно светский и далекий от религии, Исаак, тем не менее, с большим уважением относился к национальной традиции. Он собрал вокруг себя группу пожилых евреев, организовал первую «десятку» - миньян, возглавил ее и зарегистрировал как религиозную организацию. И вот уже в июле 1994 года мы вошли в здание по ул. Чайковского, 54, которое раньше было городской синагогой, а потом превратилось в заброшенное общежитие для одиноких женщин. Волнуясь, идем по уцелевшим доскам прогнившего пола, и радость наполняет наши сердца - синагога возвращена! Сразу же начинаем сбор средств для ремонта помещений. В ней мы планируем разместить библиотеку, детскую школу, благотворительный центр. Исаак использует свои знания инженера-проектировщика и приступает к разработке проекта реконструкции здания синагоги.

Одновременно мы начали работу по организации благотворительного Центра «ХЭСЭД РАХЕЛЬ». Этот Центр предназначен для оказания помощи пожилым людям: небольшие работы по дому, бесплатные обеды в столовой, обеспечение нуждающихся медицинским оборудованием (колясками, костылями, надувными матрасами и т.п.), раздача продовольственных наборов, а также организация культурного отдыха – работа кружков, проведение лекций, концертов, еврейских праздников. Директором этого Центра назначили меня, т.к. к этому времени я уже прекратила свою трудовую деятельность во Всесоюзном научно-исследовательском институте технических тканей (ВНИИТТ) в качестве заведующего отделом стандартизации.

Снова пришлось сесть за учебу. В Санкт-Петербурге открылся Израильский институт социальных и общинных работников, куда были приглашены будущие директора благотворительных Центров. Преподаватели (все израильтяне) читали нам лекции не только по теории и практике общинной и социальной работы, но и давали подробный материал по истории и культуре древнего и современного Израиля.

Окончив институт, я стала лучше понимать еврейскую национальную культуру, традицию, а главное, увидела место и значение благотворительности и еврейского образования. В нашей семье всегда ценили книгу, но теперь книги по еврейской истории, культуре и жизни современного Израиля полностью завладели мной. Здесь мои чувства разделяла моя младшая сестра Жанна. Вместе с ней мы стали создавать при Общинном центре еврейскую национальную городскую библиотеку. Она быстро стала гордостью нашего Центра. Ее услугами стали пользоваться не только посетители Центра, но и студенты Ярославского педагогического университета при подготовке работ по проблемам межнациональных отношений, истории еврейского народа и его философии.

Директором библиотеки назначили мою сестру Жанну Гуревич, которая использовала свой богатейший опыт работы заведующей техническим отделом известного в городе проектного института. С начала создания библиотеки и до своего отъезда в Израиль она на волонтерских началах занималась этой очень нужной работой. На базе нашей библиотеки стали проходить семинары для библиотекарей города и области. Фонды библиотеки сегодня составляют 2500 томов, и у нее более 200 постоянных читателей. На базе библиотеки проходят книжные фестивали, пользующиеся большим интересом у читателей. Например, Фестиваль еврейских книг (ОФЕК), что в переводе с иврита – «ГОРИЗОНТ», «ОФЕК – детям», «Суд неправедный», «Ле Хаим» – семинар по Холокосту.

Постепенно в работе набирался различный материал: фотографии, архивные документы, дипломы и медали, атрибуты культа – Свиток Торы, мезуза, шофар, тфиллин, и мы поняли, что это прекрасный материал для организации музея. Мы поставили перед собой такую задачу, и мы его создали! Это был первый в России музей истории еврейской общины небольшого российского города, и к нам стали приезжать представители еврейских общин других городов. На базе наших материалов в выставочном зале исторического отдела Ярославского музея-заповедника открылась выставка: «Еврейская тема на Ярославской улице». По своей структуре выставка состояла из трех разделов: «История еврейской общины в Ярославле», «Родному Ярославлю», «Национальные традиции, обряды и праздники», которые отражали неповторимый колорит национальной культуры.

Время шло. Все больше приходило помощников, все больше расширялся наш Центр. Стали появляться прошедшие подготовку специалисты, и мы отдавали им отдельные участки работы. Многие евреи города уезжали в Израиль, вот и наша семья постепенно перебралась в Израиль. Первой уехала Женя, потом мы с Исааком, потом наши внучки Оля (по программе НААЛЕ) и Юлия-маленькая (по программе СЭЛА), потом сестра Жанна Гуревич. Уже в Израиле вышла замуж Женя, и ее сын-красавец уже готовится к бар-мицве. Отслужили в Армии обороны Израиля, получили специальность и работу, а потом вышли замуж за израильтян внучки Оля и Юльчик. Жаль только, что Исаак не дожил до сегодняшних дней, он так интересовался израильской жизнью, так хотел быть всем нужным и полезным.

Я заканчиваю свой рассказ. Надеюсь, что он будет интересен не только моим внукам, которые давно уже просят: «Бабуля расскажи, как все начиналось в Ярославле?» Важно, что мы все, каждый по-своему, вписываем, как умеем, свои страницы в историю современного еврейства, современного Израиля.

Ася Давидова. Я - из горских евреев.

Я, **Ася Давидова**, происхожу из горских евреев Кавказа. Как и весь еврейский народ, горские евреи прошли сквозь тысячи лет угнетения, преследования и притеснения. Но в отличие от европейских евреев-ашкеназов, горские евреи очень редко вступали в смешанные браки, тщательно сохраняли многие законы Торы и национальные обычаи.

Есть основания считать, что евреи появились на Кавказе более 2300 лет тому назад, спустя 200 лет после падения древнего Израиля под натиском ассирийских завоевателей. Это была первая еврейская диаспора. В VII веке н.э на Кавказе возникли первые еврейские поселения. Позже, уже в VIII веке, весь Северный Кавказ, пространства Дагестана, Маньч и долина Кубани стали принадлежать Хазарскому Каганату, Хазарии. С конца VIII века хазарский каган Обадия стал принимать иудеев. Постепенно иудаизм стал государственной религией Хазарии. К началу IX века почти вся знать каганата и значительная часть городского населения приняла иудаизм. И хотя позже хазары приняли ислам, на Северном и Южном Кавказе остались значительные еврейские поселения в Азербайджане и Дагестане.

После появления в Турции в XVI веке еврейских беженцев из Испании горские евреи установили с ними связь, заказали у них свитки Торы, переняли у них особенности литургии.

В начале XIX века, когда Россия овладела Северным Кавказом и связь с Турцией оборвалась, горские евреи наладили связи с евреями Литвы (Вильно). К началу 20 века горские евреи уже жили почти в 40 городах и аулах дагестанской, терской и кубанской областей. Они отделились от других евреев Кавказа, например, грузинских и европейских, от сходных с ними по языку татар-мусульман, и закрепили свое самосознание "джууро".

До большой репатриации наиболее массовые горско-еврейские общины были в Грозном, Махачкале, Дербенте, Баку, Кубе и других городах. Самой многочисленной общиной, наряду с "Красной слободой" в Азербайджане, была "Еврейская колонка" в Нальчике. В 1988 году в ней было 20000 человек. В 1995 году в ней осталось только две тысячи человек, остальные уехали, в основном, в Израиль.

Уехала и моя семья, уехала и я.

Горские евреи отличаются своеобразием национальной культуры. Женщины у нас носили длинные широкие платья (булуши) и темные платки (лечек), заменяя их в праздники на белые или расписные шелковые. Пользовались золотыми или серебряными украшениями "гульбог", "гушвар". Кухня была типично восточная, острая, с обилием мясных блюд. Популярны были пельмени-курзе или душпара, голубцы-дурма или спраги с виноградными листьями или капустой, плов с мясом и фруктами, рыба.

Жили скученно. Здесь же держали скот, лошадей, птицу. Тут же были и мастерские. Нальчикские евреи были скорняками и кожевниками. По темпераменту они ближе к марокканским евреям.

Когда пришли немцы, мне было 9 лет. Много стёрлось в памяти, но по рассказам родных, по своим детским впечатлениям картина немецкого нашествия встает передо мной. Вспоминаю, как в одном сборнике воспоминаний жителей Нальчика было

написано: "По ночам в «еврейской колонке» постоянно раздавались выстрелы и истошные крики соседей-татов, которых били, уводили куда-то немецкие солдаты, их пособники-полицаи. Никто из арестованных не возвратился".

Мой отец и дядя Миша вначале считали, что до нас немцы не дойдут, что их не допустят до Кавказа – ведь здесь нефть и другие ресурсы. Но когда немцы все-таки пришли, мужчины, которые считали, что должны защищать свою страну, ночью ушли в лес. А потом уже вместе с Красной Армией они, как партизаны, вернулись домой. И пошли дальше с Красной Армией гнать немцев. А мы уже были дома.

Как мы спаслись?

Когда немцы близко подошли к Нальчику, мы уже знали, что они убивают евреев. Но горские евреи внешне не похожи на европейских евреев, и немцы поначалу нас не трогали. Однако потом нашлись предатели и рассказали немцам, что среди горцев есть евреи, только "не белые, а черные", которые говорят на другом языке, чем европейские евреи. Они соблюдают иудаизм, и они, да, являются евреями. Немцы послали запрос в Берлин: "Мы тут столкнулись с какими-то странными евреями, что с ними делать, как поступить?" И вроде бы пришел ответ: "белая собака или черная собака - значения не имеет, нет разницы". Значит, нас должны были уничтожить. Наша семья выжила, потому что, как только это письмо пришло, наши знакомые мусульмане-кабардинцы, те, которые знали мою бабушку, нашу семью, к нам ночью пришли и быстро нас вывезли. Они предложили спрятать нас в яме под скирдой. И вот месяц-полтора мы жили в землянке под этой скирдой кукурузной ботвы. Нам ночью приносили воду, кукурузные лепешки с чесноком, меняли ведро для туалета. Так мы прожили почти полтора месяца оккупации. Поэтому наша семья выжила.

А потом Красная Армия немцев прогнала.

Наши дома были разграблены, разбиты. Пока кто-то прятал евреев, другие ходили по брошенным домам и мародерствовали. Были разные люди. Когда мы вернулись в свой дом, то увидели, что у нас двери сняли и унесли. Позже мы нашли нашу посуду у одних соседей, увидели двери наши у других, они их на свой сарай повесили... Нашли, но что толку... Потом мама продала этот наш дом, а вместо него купила корову, чтобы было нам чем питаться. Когда немцев выгнали, магазины еще не работали, нужно было что-то есть. Не было ни зарплаты, ни работы - ничего.

Попробуйте сейчас девочку девяти лет одну выпустить куда-то. А я работала, а потом самостоятельно пасла нашу корову возле аула кабардинцев. Никто не обижал, никогда я плохого слова ни от кого не слышала. Меня знали, но были случаи, когда надо мной смеялись. У нас ледники летом таяли, и так совпало, что в эти дни прошел сильный дождь. Мне надо возвращаться домой, а река сильно разлилась. Люди на другом берегу стояли и смотрели, что я буду делать. А я схватила корову за хвост и толкнула ее в реку, к другому берегу. Корова поплыла, и нас с ней мотало в разные стороны. Так вдвоем мы

Потом, когда я в школу ходила, мы с Верой, с сестрой, она с утра училась, а я во вторую смену, менялись платьями. Она приходила из школы, форму снимала. А я эту форму надевала и шла на уроки. Вере было неинтересно, что происходит с коровой. Я-то ей чесала между рожками, разговаривала с ней. А Вера возьмет учебник, сядет в тенечке,

занимается. А корова видит, что никого вокруг нет, и бежать! Приходит к школе, и в окно: - муууу. Весь класс надо мной смеялся: "Эй, пастушка, твоя корова пришла". А учительница Александра Герасимовна мне говорит: "Пойди, отведи корову, ты мешаешь всем заниматься". Я веду корову и бью ладошкой по бокам: "Дура, ты мне не даешь учиться!" Иду, ее колочу. А она так на меня смотрит, скосив глаза, что ей остается.

Мне запомнилось, что нас знакомые прятали у себя в погребе. А когда нас выдали немцам, то солдаты нас вытащили оттуда, взрослых погнали на работу чинить мост, а мне пришлось работать на немцев, хотя была еще ребенок. Я мыла посуду, чистила сапоги и ходила на речку мыть кастрюли, мыла полы. Примерно месяц я так работала, а потом в январе 1943 года немцев выгнали, и они просто не успели нас уничтожить. А когда нас освободили, в Нальчике были выставлены фотографии немецких зверств. Запомнилась история, которая произошла с дочкой папиной двоюродной сестры. Она пожалела мальчика из детского дома, нееврея, вышла замуж за него. Когда пришли немцы, она была беременна. И он вытащил жену за руку из дома и говорит: "Вот, моя жена – еврейка". Ее свалили, и заставили его танцевать у нее на животе. У нее выкидыш произошел. И он упал – так танцевал, что не выдержал и упал. И застрелили и его, и ее.

Запомнилась дорога, которая шла от пригорода Нальчика на Москву. Там немцы заставили коммунистов и евреев выкопать большую яму, а потом всех их заставили спуститься в нее и засыпали землей живьем. И круглые сутки солдаты немецкие сторожили с собаками, чтобы никто не мог подойти и откопать. Несколько дней из-под земли гул был слышен, люди стонали под землей. Вот это осталось в памяти, что мы пережили в войну.

Если меня спросят, что для тебя важно, чтобы твои внуки знали? Я отвечу, что хочу, чтобы правнук и внук знали, что они - евреи, что их место здесь, а не в Канаде. Вот это я хочу, чтобы они знали и чтобы они вернулись сюда, домой.

Наше место здесь. Это наша страна. Я хочу, чтобы они сюда вернулись. Родина евреев - это именно Израиль. Плохо или хорошо здесь, но мы здесь дома. Весь мир говорит, что "арабская весна" - это из-за евреев, свастики рисуют и карикатуры на евреев, не хочу, чтобы Холокост повторился. Мне важно, чтобы мои дети были здесь, возле меня. Не просто, чтобы своих детей рядом с собой видеть, а чтобы весь еврейский народ собрался в Израиле, чтобы все вместе мы были в своей стране, чтобы мы защищали свой Израиль. Моя девочка служила в армии. Слава Богу, во время ее службы все было спокойно и хорошо. Бывают случаи, погибают люди на дорогах, в аварии, по другим причинам погибают, кому какая судьба. Едут в туристическую поездку - там погибают. Но я бы хотела, чтобы мои дети были здесь. Все евреи чтобы были здесь. И эти туристы-дураки, которые едут за границу и везут туда кучу денег - они просто идиоты, я так считаю.

Я рассказывали на группе, что мой брат рабби Адам написал книги о горских евреях.

Мой дядя был сионистом, он прошел через лагеря в связи с тем, что он был убежденным евреем-сионистом. Ему было 15 лет, когда он написал книгу, что коммунисты Советского Союза извратили коммунистические идеи. Он написал так, что Швейцария, где уважают права людей, где высокий уровень жизни, где заботятся о здоровье и жизни своих граждан и не гонят их на очередную войну, - это коммунистическая страна, а в Советском Союзе коммунисты только уничтожают умных людей. Он уже в те времена призывал к

тому, что надо пересмотреть политику страны. И я очень сионистски была настроена даже в те времена, когда боялись говорить, что мы евреи. Очень многие люди тогда скрывали, что они евреи. А мы никогда не скрывали, и, мало того, Адам, мой брат, хотя и учился на журналиста, он вместе со своими друзьями призывал к тому, что место евреев - в Израиле. И его за это арестовали и посадили в тюрьму, и сослали в Сибирь за антисоветчину. Моя бабушка, и моя мама к нему ездили. Он был долгое время отказником, в конце концов он приехал сюда и стал раввином. Вот он сейчас пишет книги и работает раввином. В свое время он работал в Азербайджане, в Краснослободской синагоге, а это самая известная синагога горских евреев.

Я часто спрашиваю себя, откуда во мне живут эти идеи еврейской жизни? Вероятно, от того, что такая была атмосфера нашей семьи. У дедушки были свои кони и много овец. Когда пришла советская власть, он сказал, что эта власть задержится надолго. "Поэтому я не хочу, - сказал он, - быть сейчас единоличным хозяином, давайте мы сделаем объединение, коммуну, типа колхоза. И выберем председателя этой коммуны, этого колхоза"...

Его выбрали. Ты хозяин, так ты и оставайся хозяином. И он создал так называемый еврейский колхоз. Они сами создали эту ячейку. Рассказывают, как бабушка - она прекрасно готовила, но вместе с дедом приходили работники и говорили: "Ой, какой прекрасный запах. Это ты на Шаббат приготовила? Может быть, мы сейчас поедем, а на Шаббат ты что-то другое еще приготовишь?" И они садились за стол, а она снова начинала готовить, теперь уже точно на Шаббат. Так что она была очень добрая и очень открытая - моя прабабушка, получается. Мамины братья были для меня очень авторитетны. Это дядя Миша, дядя Женя, моя бабушка, тетя Граня - Габриэла со своим мужем. Ее сын, Гарька маленький, он стал замминистра внутренних дел Кабардино-Балкарии.

И еще, прадедушка настолько был умный... Он сказал так: новая власть не приемлет богатых людей... Это раньше можно было быть просто богатым. А теперь надо быть образованным. Это и женщин касается. Нужно дать всем образование. Он заставлял всех еврейских детей учиться. Он построил школу. Его брат стал директором этой школы.

Дедушка дал высшее образование всем своим детям, они учились в Москве. А маме моей, которая считала, что девочкам не нужно образование, что их только нужно научить, как быть хозяйкой, он сказал: "Это новая власть, и женщина теперь будет наравне с мужчиной. Не будет так, чтобы женщина не работала, поэтому ты должна учиться". Он заставил ее учиться, она окончила экономический институт и стала товароведом.

А я в 1951 году окончила медицинское училище в Нальчике и всю жизнь проработала - фельдшером-акушеркой. Сколько получила благодарностей, признания.

Дедушка также говорил, что придет время, и вы все окажетесь в Эрец-Исраэль. Он оказался провидцем. Прошло, конечно, много лет, и война прошла, и 1953-й год. Это было страшное время, по всей стране евреи и их близкие люди сидели и ждали, что всех высылат в Сибирь.

Перед смертью Сталина мы уже на чемоданах сидели, потому что сказали, что евреев всех выселят в Сибирь. Но Сталин умер, и всё успокоилось. Это как раз было в марте на Пурим.

Кстати, знаете ли вы, что Пуримские праздники - это именно наша история, горских евреев, не ашкеназских евреев. Именно наши были в Вавилоне и в Багдаде. Все эти сказания - имеется в виду именно горско-еврейская история, и вообще история кавказских евреев, то есть восточных евреев. Поэтому все считали, что это прапрабабушка Эстер не дала в обиду своих потомков и горско-еврейская слобода осталась нетронутой. Двадцать тысяч евреев жило в Нальчике в одной горско-еврейской слободе. Я уже не говорю про Махачкалинскую слободу, про Грозненскую слободу, про Пятигорскую...

Все евреи Кавказа были тесно связаны между собой. Приезжали друг у друга сватать, забирали девочек в свои семьи, и поэтому все друг друга знали. Была постоянная связь между нами. А приехали евреи в Нальчик с войском генерала Ермолова, который называется покоритель Кавказа, он построил там русскую крепость для того, чтобы держать гарнизон, защищающий от набегов черкесов и других горцев, с которыми шла война. Именно евреи стали делать седла для коней, подпруги. Многие черкесы учились этому ремеслу у евреев. И поэтому, когда пришла война, многие черкесы прятали детей и женщин от немцев. А балкарцев Сталин выселил. Почему выселил - потому что они встретили гитлеровскую армию на белом коне. Кабардинцы в этом не участвовали, участвовали только балкарцы. Но ни балкарцы, ни кабардинцы не выдавали евреев немцам. Они говорили: это наши люди. Очень многие евреи свободно говорили на кабардинском и балкарском языках и были похожи на коренных жителей (и те смуглые, и эти смуглые, и одежда похожа). Но все-таки немцы поняли, что здесь есть евреи. И тогда начались погромы, а первое время они еще присматривались, не знали, что с этим делать. И вот потом начали отлавливать евреев, выяснять, кто еврей, живьем закапывали в землю и расстреливали. И, вот как я рассказывала, нееврейские родственники предавали, а кабардинцы и балкарцы – защищали.

Вспоминается, что у нас дома милый такой петух был. И мой брат Адам (Адик - уменьшительно-ласкательно) на этого петуха верхом садился и вокруг дома катался. А когда бабушка Рива Исааковна приходила или кто-то чужой приходил, петух нападал, угрожая глаза выколоть. Мама разозлилась, что он на бабушку прыгает, отнесла петуха к резнику, и тот его зарезал. Адик тоже за ней увязался. Когда он увидел, как барахтается обезглавленный петух, плакал несколько дней и отказывался от еды. И до сих пор он ни мясо, ни курятину не ест. Только рыбу. С петухом они были друзья. Я с коровой дружила, а он с петухом. Петух был такой огромный и хвост разноцветный – красный, зеленый, синий... Он, как собака, был: никого во двор не пускал.

И еще что могу рассказать. У нас домик был - четыре комнаты и двор. Мы получили участок на улице Щорса и построили там этот дом. Дядя Миша и дядя Женя продали дедушкин дом. Мы сначала в дедушкином доме жили, когда наш старый дом

разгромили. А в дедушкином доме поселились кабардинцы. Когда мы вернулись, они его постепенно для нас освободили. Дядя Миша и дядя Женя решили дедушкин дом продать и нас выселили. Вот мы с мамой делали кизяки - месили вместе с мамой глину с соломой, Вера воду поливала, глины подсыпала. Набивали потом в специальную форму, такую коробку без дна. И тащили потом, переворачивали эту коробку в специальном месте, чтобы сохло на солнце. А если дождь, я бежала, накрывала эти глиняные кирпичи чем-нибудь, чтобы они не рассыпались. Перед домом был участок, и мы с Верой считали его своим. И вот что сделали: перед окнами дома посадили сливу. А потом, когда дерево подросло, мы с одной стороны на этот ствол привили вишню (в школе изучали ботанику, проходили селекцию по Мичурину). А с другой стороны привили абрикос. И даже яблоню привили! Люди приходили к нам смотреть на это дерево. И все говорили: вот, что значит детские ручки. Это дети привили, поэтому так прижилось все. У взрослых кто-то будет прививать - не примется, а у детей получается.

И снова я возвращаюсь к своей мысли, к своему призыву. Дети, это наш дом, нечего вам скитаться по чужим углам. Возвращайтесь домой. Для чего эта квартира мне? Зачем мы это покупали, зачем платим сейчас огромную машканту? Сейчас дочь спит в одной комнате, я одна сплю в другой комнате. На что мне такое излишество? И уборка тяжелая, и содержание. Ваш дом здесь, дети, возвращайтесь. Вот это я хочу громко сказать, чтобы мои дети услышали. Что это их дом. Другого дома, кроме Израиля, у евреев нет. Как бы мой зять ни кричал, что он атеист, но он сын еврея и еврейки, внук и правнук евреев. Если бы не был евреем, то Шамира за него замуж не вышла бы. Вот это хочу сказать: дети наши должны знать, что это наш дом. Все наши дети должны вернуться к своим родителям, к своим корням, домой. Я это говорила и сейчас повторяю. Это моя боль, мое страдание, что мое дитя где-то на чужбине. Об этом я все время плачу. Комната для них есть отдельная, с душевой, с ванной. Комната для внучки Шамибочки есть. Для ребенка, если приедут с ребенком, есть место. Поставим детскую кроватку и специальный детский столик. Компьютером он тоже сможет пользоваться. На всех, слава богу, хватит места, есть все.

Семён Августевич. Еврейская колонка — община горских евреев Нальчика.

Рассказ Аси Давидовой о своем детстве меня поразил. Согласитесь, немного найдется евреев, которые выжили под немецкой оккупацией. Но лишь единицы смогли бы рассказать, что их национальная жизнь не прервалась даже в этих ужасных условиях, что они сохраняли верность традиции и культуре.

Я вспомнил, что однажды был в Красной Слободе, которая рядом с Кубой, на севере Азербайджана. Этот поселок — единственное место в Советском Союзе, где компактно проживало еврейское население. Этот поселок до 1926 года назывался Еврейская Слобода, потому что там в основном, на 99%, жили горские евреи. Помню, при встрече с местными жителями мы шутили: горских евреев мы увидели, а может быть, где-то есть степные, лесные или речные евреи? Но уважаемые мудрецы Слободы вполне серьезно отвечали: среди всех народов живут евреи. И в каждой стране их так и называют, по имени этого народа или страны: польские, румынские, немецкие или грузинские. Но горские евреи, придя из Персии свыше 2000 лет назад, никогда не называли себя персидскими. Поселившись в основном на Северном и Восточном Кавказе, они не стали называть себя и кавказскими. Они стали жить в горах, сохраняя свою культурную, языковую, религиозную обособленность, и добились признания и уважения у тех народов, среди которых жили. И в этом неповторимость их национальной судьбы.

Забегая вперед, хочу как пример сказать, что в даже в программе повышения квалификации учителей средних школ Кабардино-Балкарской республики рассказывается о культуре горских евреев, о том влиянии, которое еврейская культура оказала на культуру черкесов и адыгов, а главное, как в историческом плане складывались отношения евреев с местным населением. Это говорит о том, что горские евреи смогли показать уникальность и самобытность национальной культуры своего народа. Показать, как они обогащают культурную жизнь Кабардино-Балкарии многообразием и многоцветием своего языка, традиций, фольклора и народного творчества. И что важно, евреи здесь занимают взвешенную конструктивную позицию в оценке развития общественно-политической ситуации в республике, делят с титульными народами успехи и неудачи, радости и горечи. Поэтому им выражают искреннюю признательность и благодарность за такую сопричастность, за верность и преданность общей малой родине.

Делают все, чтобы еврейская община Кабардино-Балкарии всегда и во всём чувствовала себя комфортно и уютно, имея равную возможность с коренными народами для полной самореализации в образовании и науке, культуре и искусстве, в общественной жизни и на государственном поприще.

Чтобы не быть голословным, приведу этот раздел программы, может быть, он послужит примером для других национальных школ.

Из истории и культуры горских евреев.

1. Происхождение горских евреев, их расселение на Кавказе. Версии об исторических причинах расселения горских евреев на Кавказе, в частности в Кабарде и Балкарии.

2. Этнография горских евреев. Материальная культура. Поселение, жилища и их убранство, утварь, пища, одежда. Обычное право. Религия. Обряды.

Традиции и новации. Роль совета старейшин. Обряды. Идеи защиты природы в календарных обрядах горских евреев.

Общественно-семейный быт. Семейно-брачные отношения, воспитание детей — ключ к счастью.

3. Духовная культура. Исторические корни родного языка. Иврит и фарси. Связь языка фарси с другими.

Культура общения. Понятие «иомус». Отношение к женщине, детям, старикам. Законы общины. Этические нормы взаимоотношений. Бытовой этикет. Традиции и народная педагогика.

Просветительство и образование. Проблема письменности. Искусство горских евреев.

Религия как элемент культуры. Иудаизм. Воздействие иудаизма на образ жизни горских евреев.

4. Горские евреи в семье народов Кабардино-Балкарии. Роль кабардинцев и балкарцев в спасении горско-еврейской общины в период фашистской оккупации.

Экономические взаимосвязи горских евреев с народами Кабардино-Балкарии. Проблемы национального возрождения горских евреев.

После такой развернутой программы, освещающей все аспекты культуры и истории горских евреев, может сложиться впечатление, что среди населения республики их большинство. Увы, это не так.

По оценкам демографов, общая численность горских евреев в мире на начало 2016 года составляет около 150 тысяч чел. Из них

- в Израиле проживает подавляющее большинство, примерно — 100-120 тыс. чел.;
- в Азербайджане — 5-7 тыс. чел., из них около 5 тыс. в самом Баку и 1-2 тыс. чел в знаменитой Красной Слободе;
- в России — 30 тыс. чел., в том числе в Москве — 20 тыс. чел., в районе Пятигорска — 3 тыс. чел., в Кабардино-Балкарии - 2 тыс. чел., в Дагестане — ок. 5 тыс. чел

Горские евреи живут также в США, Германии и других странах.

По образу жизни, культурным особенностям и местам проживания горские евреи делятся на несколько локальных групп:

- нальчикские (нальчигё) — проживают в Нальчике и близлежащих городах;
- кубанские (губони) — Краснодарский край, наиболее сильно пострадали во время холокоста;
- кайтагские (кайтоги) — Кайтагский район Дагестана;

- таркинские (тархойё) — эта группа преимущественно переехала в Махачкалу;
- дербентские (дербенди) — Дербентский район Дагестана;
- кубинские (губои) — в основном посёлок Красная Слобода (*Кырмызы Кесебе*);
- ширванские (ширвони) — северо-восток Азербайджана, а также Баку;
- грозненские — город Грозный (сунж галаи) (около 1000 чел.);
- тбилисские (тифлизи) — город Тбилиси.

Наиболее известные горско-еврейские общинно-культурные центры: Нальчикский и Красной Слободы. Единственная ашкеназская община во всем регионе Северного Кавказа - Владикавказская.

Что объединяет горских евреев? В первую очередь — язык и история.

Горские евреи отличаются от грузинских евреев. Антропологически горские евреи сходны более всего с лезгинами. Именно поэтому многие горские евреи, проживающие на Кавказе, избежали преследований со стороны фашистских нацистов. Предки горских евреев пришли из Ирана(Персии) и Месопотамии в Восточное Закавказье где-то в V веке н. э. Говорят на горско-еврейском языке (джуури), относящемся к юго-западной группе еврейско-иранских языков. Сегодня иврит, русский, азербайджанский, английский языки практически вытесняют родной язык.

В свое время еврейские поселения Кавказа были одним из источников иудаизма в Хазарском каганате.

Школа для горских евреев (губои). Город Куба в Азербайджане. 1920 г.

Вхождение Кавказа в состав России спасло их от погромов в результате феодальных междоусобиц и насильственного обращения в ислам. В середине XIX века горские евреи поселяются при русских крепостях и административных центрах на Северном Кавказе: Махачкале, Хасавюрте, Грозном, Моздоке, Нальчике и др.

В 1820-е годы отмечены первые контакты горских евреев с российскими евреями-ашкеназами, все чаще молодые люди уезжали учиться в европейские общины, например в Вильнюсскую ешиву. Впервые учтены как отдельная общность в переписи 1926 года (25,9 тыс. чел.). А татский язык в 1938 году провозглашён одним из 10 официальных языков Дагестана.

Еврейское кладбище в Нальчике, 1993

В 1990-е годы основная часть горских евреев эмигрировала в Израиль, Москву и Пятигорск. Сохраняются незначительные общины в Дагестане, Нальчике и Моздоке. В Азербайджане в посёлке Красная Слобода (в черте города Куба – единственное в диаспоре место компактного проживания горских евреев) воссоздаётся традиционный образ жизни горских евреев. Небольшие поселения горских евреев появились в США, Германии, Австрии.

В Москве община горских евреев насчитывает несколько тысяч человек. Среди них известный в России бизнесмен Тельман Исмаилов, который руководит холдингом АСТ с суммарным ежегодным оборотом в 2 млрд. долларов.

Измайлов, Фазиль Марданович — первый заместитель префекта Северного административного округа Москвы.

Манахимова (Шор), Сара Львовна (Жасмин) — популярная певица.

Пригожин, Иосиф Игоревич — российский продюсер.

Ханукаев, Сергей Борисович — доктор экономических наук.

Юшваев, Гаврил Абрамович — совладелец ОАО «Вимм-Билль-Данн, продукты питания».

Яков Якубов — владелец казино «Корона», «Golden Palace», ресторана «Прага», гастронома «Елисеевский» и многие другие.

Широко известно имя горского еврея, выдающегося хирурга-ортопеда **Гавриила Абрамовича Илизарова**, родившегося в поселке Кусары, Азербайджанская ССР.

Врачебное мастерство этого уникального специалиста в области травматологии и клинической физиологии опорно-двигательного аппарата и ортопедии широко отмечено государственными и профессиональными званиями и наградами: Герой Социалистического Труда (1981), член-корреспондент АН СССР (1987), академик РАН (1991), доктор медицинских наук (1968), профессор, заслуженный врач РСФСР (1965), заслуженный изобретатель РСФСР (1975), заслуженный изобретатель СССР (1985), заслуженный деятель науки РСФСР (1991).

В августе 2001 года семьей горских евреев Захарьяевых был создан Региональный общественный благотворительный фонд горских евреев СТМЭГИ. Президентом фонда стал известный ученый д-р Герман Рашбилович Захарьяев. Фонд стал одним из первых в России, а затем - крупнейшей в мире организацией горских евреев, открыв филиалы в Израиле, Азербайджане, США.

Деятельность фонда поддерживается известными российскими и зарубежными учеными, представителями ведущих еврейских организаций мира, прежде всего Российского еврейского конгресса, Джойнта, и охватывает все важнейшие области еврейской жизни. Фонд первым начал исламо-иудейский межкультурный и межрелигиозный диалог, создав первый в мире Институт по изучению истории евреев Кавказа и Средней Азии в Ариэльском университетском центре (Израиль). Фонд сотрудничает с ведущими институтами Европы, РАН, Национальной академии наук Азербайджана. Поддерживает просветительские, спортивные, молодежные и религиозные еврейские организации, оказывает поддержку синагогам и ешивам в России, Азербайджане и Израиле. Широко известна издательская деятельность Фонда. Благодаря ему существует единственный в мире горско-еврейский театр. Фонд первым откликнулся на гибель в террористическом акте 8 июня 2016 года в Тель-Авиве горской еврейки Милы Мишаевой.

Мы видим, что горские евреи достигли высот в разных областях народного хозяйства, культуры и образования. Ранее основными занятиями горских евреев были садоводство, табаководство, виноградарство и виноделие, выращивание специфического растения марены для получения красной краски и лечения мочекаменной болезни, рыболовство, кожевенное ремесло, торговля тканями и коврами.

До начала 1930-х годов поселения состояли из 3–5 больших 3–4 – поколенных патриархальных семей (свыше 70 чел.), каждая занимала отдельный двор, в котором каждая малая семья имела свой дом. Большие семьи, происходившие от общего предка, объединялись в тухумы. Бытовало многоженство, помолвки в младенчестве, выплата калыма (калын), обычаи гостеприимства, взаимопомощи, кровной мести (в случае неисполнения кровной мести в течение трёх дней семьи кровников считались родственниками).

Сохранились и повсеместно исполняются иудейские обряды, связанные с жизненным циклом (обрезание, свадьба, похороны), праздники (Песах — Нисону, Пурим — Гомуну, Суккот — Араву и др.), поддерживаются пищевые запреты (кошер — кашер).

Фольклор — включает, чаще всего, сказки (овосуна), которые рассказывали профессиональные сказочники (овосуначи), песни (*ма'ани*), исполняемые автором (*ма'ниху*) и передававшиеся с указанием имени автора.

Популярна как еврейская, так и кавказская кухня. Музыка и танцы в основном кавказские. Но вернемся в Нальчик, столицу Кабардино-Балкарии, в город, где создан Центр национальной культуры и образования горских евреев "Товуши". Название города «Нальчик» переводится как «срывающий подкову». Как считают старики, в этом месте в старину была непролазная грязь – такая, что с коней даже подковы срывало. Но сегодня на месте той, ставшей легендарной, грязи – стремительные проспекты, упирающиеся в горы...

Почти в самом центре города есть район, называемый «колонкой». Вообще, говоря это слово, подразумевают: "еврейская колонка" – небольшая внутригородская колония горских евреев. История ее такова.

Летом 1557 года Кабарда добровольно присоединилась к России. Сегодня в память об этом событии в самом центре города стоит памятник Марии, дочери кабардинского князя Темрюка Идарова, ставшей любимой женой Ивана Грозного. Кабардинские князья раньше всех прочих кавказских властителей поняли, что из содружества с могущественным соседом можно извлечь немалую выгоду. Видимо, именно документ об этом мудром браке держит, высоко подняв свиток в правой руке, бронзовая Мария. На высоком постаменте надпись: «Навеки с Россией».

Памятник Марии в Нальчике.

С середины XIX века столь же мирно живут рядом с коренными народами этого края евреи-горцы. Они посчитали, что у культуры, которая замыкается в себе, нет будущего. Поэтому, впитав культуру окружающего мира, создавая новый язык, музыку и даже обычаи, они привнесли все это в еврейскую культуру, обогатили ее. Теперь адыгэ-журт, как называют себя потомки поколений, два века проживших здесь, привязаны к этой земле, на которой родились, к ее людям.

История Нальчика ведется с 1822 года, когда по приказу генерала Ермолова на берегу реки Нальчик была построена небольшая русская крепость. Находилась она в стратегически очень выгодном месте: занимала ключевую позицию у входа в горные ущелья. (Отметим в скобках, многое на Кавказе связано с этим именем. *"Поникни снежной головой, смирись, Кавказ, – идет Ермолов"*. Но Алексея Ермолова запомнили не как усмирителя, а как преобразователя Кавказа, строителя дорог, городов и лечебниц. Хотя известно, что он главноначальствовал над Кавказом лишь 10 из 47 лет завоевательной войны.)

Начало же так называемой в обиходе Еврейской колонке положили горские евреи, поселившиеся в 1847–1848 годах в двух верстах от крепости. Было их всего 245 душ обоего пола, занимались они выделкой кож и овчин, расположились вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом и жить стали оседло.

Есть и другая версия. Раввин Адам Давидов, родной брат Аси Давидовой, автор книг «Пути возвращения: настольная книга еврея» и «Мудрецы Кавказа» считает, что это были кабардинские евреи, скрывавшиеся в Приэльбрусье от мусульманских преследований.

В скором времени в колонке начали развиваться кожевенное производство и скоряжное дело. Оживилась торговля, со временем ставшая главным занятием местных обитателей. Главной достопримечательностью Еврейской колонки считался базар, располагавшийся неподалеку от нынешней синагоги.

Жили горские евреи в Нальчике всегда компактно и вполне благополучно. В начале 1980-х община города насчитывала более 12 тыс. человек, а к 1991–1992 годам – 17–18 тыс. И все признают: местное население относилось к ним дружелюбно. Но в начале 1990-х годов криминальная обстановка и низкий уровень жизни вынудили евреев переселяться в другие города России и за рубеж, в Израиль, США, Европу. Только в начале 2000-ных выезд приостановился.

Во время фашистского нашествия колонка в Нальчике стала самой большой общиной горских евреев, оказавшихся в руках нацистов. Каждый день они ждали расстрела. Но не уходили из своих домов. «Общинная психология, почитание семейных уз никому не позволяли спасаться в одиночку. Что будет со всеми, то пусть случится и со мной», – объясняла эту ситуацию кандидат исторических наук, историк горских евреев, депутат ВС Кабардино-Балкарии Светлана Ароновна Данилова.

Спасло то, что фашисты усомнились в «еврейскости» горских евреев и начали выяснять их происхождение. Горские евреи доказывали немцам, что они никак не связаны с еврейством. И когда в середине ноября 1942 года немцы приказали всем евреям собраться на следующий день рано утром у здания комендатуры, горские евреи не вышли

из домов - ведь они объяснили, что они не евреи. У здания комендатуры собралось лишь несколько десятков семей европейских евреев. Все они были потом расстреляны.

А жители колонки, между тем, не доверяя временной удаче, незаметно уезжали в местные села. Их прятали, кормили, спасали. Как и семью Аси Давидовой.

Тем не менее, немцы все равно стали составлять списки горских евреев, намечая их полное уничтожение. Назначили дату массового расстрела – с 3 на 4 января 1943 года. Машины уже стояли наготове... Но партизаны и Красная Армия освободили Нальчик раньше срока. В Еврейской слободе по сей день говорят, что их спасло чудо.

Очевидцы вспоминали, как, сидя в подвалах, где укрывались от ураганного огня артиллерии и озверевших немцев, слышали отчаянный русский мат и крики «Ура!»: «И стало понятно – наши пришли!»

Этот день – 4 января 1943 года – стал спасительным для всей горско-еврейской общины Нальчика. От смерти были избавлены более двух тысяч человек. В синагоге читали молитвы, благодарили Бога за чудо. А местных жителей – за то, что не выдали...

Еврейская колонка сегодня остается одним из уникальных традиционных мест компактного проживания горских евреев. Центр еврейской жизни сейчас сосредоточен на улице Рабочей, 19. Это обычный трехэтажный дом. Здесь нимаз – так на горско-еврейском языке называется синагога. Она была построена в 1993 году взамен старой, одноэтажной благодаря инициативе раввина Леви Шабаева. Здесь же рядом, бок о бок с синагогой, – двухэтажное здание благотворительного фонда «Хесед Имид». Перед ним – мемориальный комплекс, посвященный евреям-нальчанам, павшим в годы Великой Отечественной. На сером мраморе – несколько сотен фамилий. Мартиролог открывает имя Героя Советского Союза Исая Иллазарова.

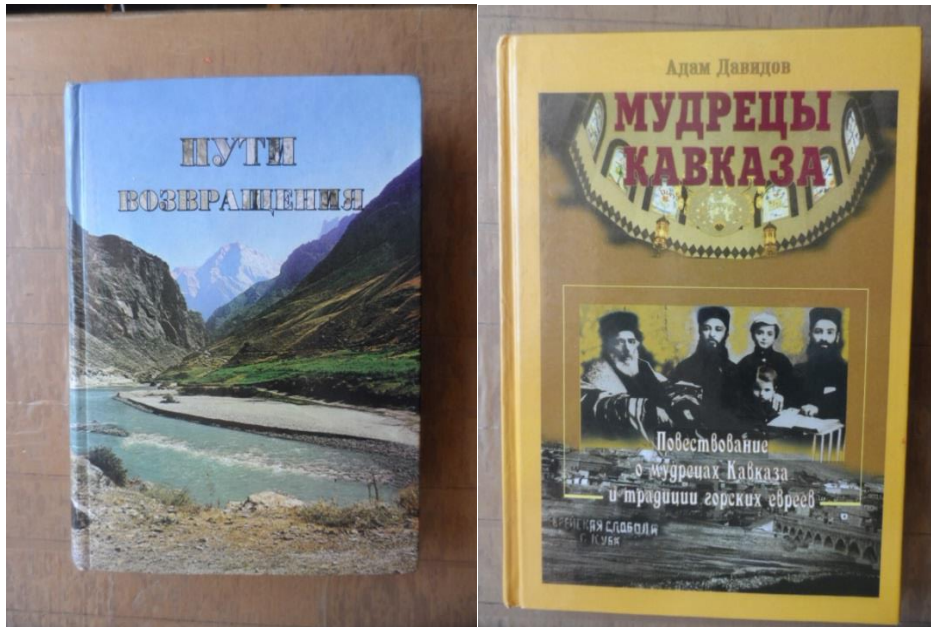
На той же улице Рабочей – большая территория, с недавнего времени де-юре принадлежащая общине, и здание, в котором расположились Еврейская национально-культурная автономия КБР (ЕНКА) и еврейский культурный центр «Товуши» («Свет»). Работает он с 1988 года, здесь регулярно отмечают праздники, собирается молодежь, чествуют ветеранов. Здесь же собирается Семейный клуб, руководимый ЕНКА КБР, объединяющий около 70 человек всех возрастов. Вкусное домашнее угощение, еврейские песни, танцы до утра – кипит жизнь в нальчикской общине и центре «Товуши», в танцевальном ансамбле, вокальной студии, в школе искусств «Шуламит» В молодежном клубе «Имид» («Надежда») ребята проводят шаббаты, изучают традиции, участвуют в семинарах по подготовке мадрихов-вожатых. Здесь богатая библиотека.

Здесь же, на улице Рабочей, 19, в синагоге, собирается и главный «еврейский штаб» Нальчика – попечительский совет общины. Её глава – Хацерон Алхасов. Попечительский совет начал работать весной 2005 года, Главный принцип общинной политики раввин формулирует так: «Помощь людям – это зов души».

При общине работают ульпан, библиотека, «Хевра кадиша». Около 40 детей, начиная с семи лет, занимаются в воскресной школе.

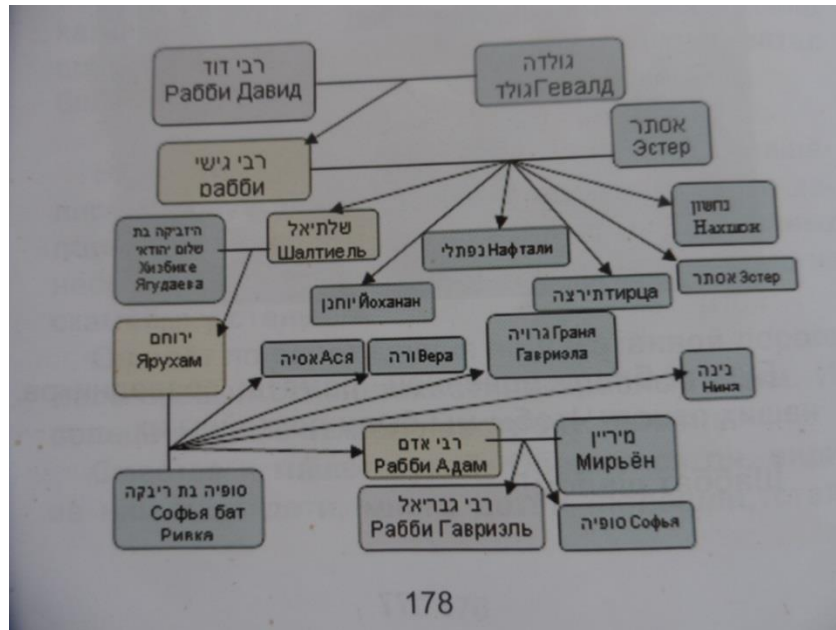
Еврейскую общину в Нальчике по праву считают крупнейшей общиной на Кавказе. Здесь постоянно поддерживаются связи с другой горско-еврейской общиной "Еврейская (Красная) Слобода" в Азербайджане. Родившийся в нальчикской общине рабби Адам

Давидов начинал свою благородную деятельность раввином в синагоге Красной Слободы. Здесь же стали известны имена его сына рабби Гавриэля и внука Давида. Несмотря на то, что эти общины разделяют горные массивы, у них постоянные контакты друг с другом, а главное, обе общины тесно связаны с Эрец Исраэль, единственной истинной родиной всего еврейского народа.

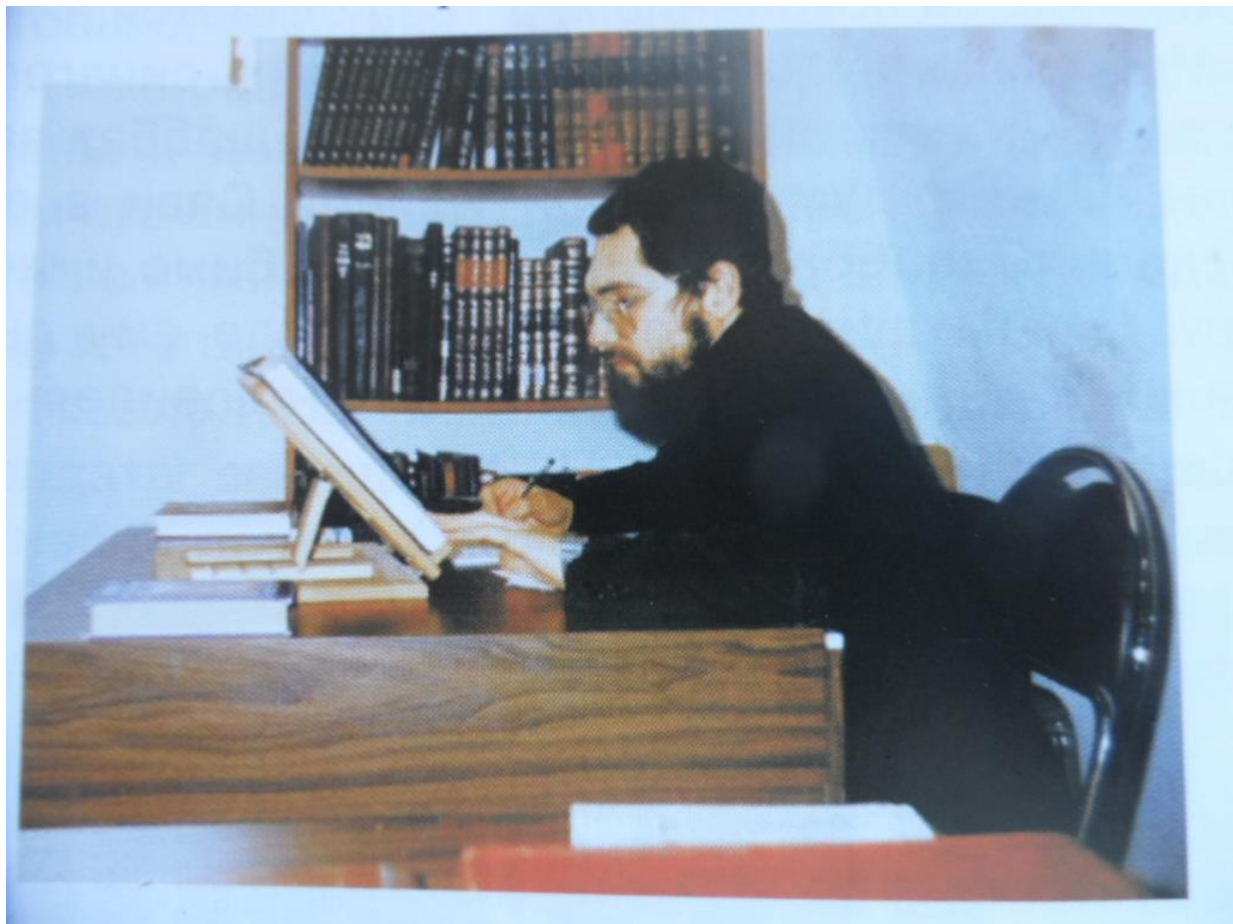

Книга "Пути возвращения" Авторы Адам Давидов, Гавриэль Давидов. Иерусалим. 1997 г. 363 стр

Книга "Мудрецы Кавказа". Автор Адам Давидов.

Родословная семьи горских евреев Давидовых.

Рабби Гавриэль Давидов, сын рабби Адама Давидова.

Связь Поколений

Наталия Буряковская. Взгляд на свою биографию как бы со стороны.

Бабушка Наташи, Мирьям Ароновна и ее правнук Юрий.

Она (это я говорю о себе в третьем лице) уникальный человек – родилась в июле 1941-го года в Киеве под немецкими бомбами.

«22 июня ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Эта известная советская песня - о ней. Больше таких она не встречала, в июле бежать из Киева было уже практически невозможно; гетто и лагерей, как известно, на Украине не было. Все попавшие в руки нацистов киевские евреи получили пулю в затылок и погибли в Бабьем Яру. Об одной из нескольких, сумевших выбраться из-под трупов Бабьего Яра, написал отец Наталии – писатель Юрий Буряковский. Далекая от иудаизма мама, преподаватель русского языка и литературы, назвала дочь в честь любимой героини Наташи Ростовой. Дальше – история заурядная. Десятилетка, университет, факультет журналистики. Естественно, единственная еврейка на курсе и на факультете. Работала всю жизнь в области кино: журнал о кино, издательство кинорекламы, сценарии научно-популярных и

документальных фильмов. В какой-то мере продолжает заниматься этим и сегодня, переводя субтитры фильмов для израильских спутниковой и кабельной компаний. В начале 1989 г. репатрировалась из СССР, чтобы спасти 16-летнего сына от советской армии, где было много самоубийств интеллигентных мальчиков, в т.ч. из нееврейских семей. Сионистской стала уже в Израиле. В Израиле не пошла мыть полы, учила и преподавала иврит, иудаизм, учила и преподавала перевод в колледже Бейт-Берл. Собирается учиться до конца дней. Продолжает заниматься переводами, редактурой, рефератами, в том числе и бесплатно, «бе-итнадвут», – статьи Фейглина и прочее для правого крыла «Ликуда», а потом – партии "Зехут". Была членом центра партии «Моледет». Все ради любимой до боли страны, любимого до сердечной боли Иерусалима, где живет со дня репатриации.

Несколько слов о моем отце.

Юрий Буряковский на фронте (судя по лычкам, не позднее 1943 г.)

Редакция газеты 40-й армии "За победу". На первом плане - художник Абрам Розенберг, за ним - Юрий Буряковский

До рождения сына самым близким и дорогим человеком на свете был мой отец, Юрий Александрович Буряковский, а самое большое для меня горе – что они разминулись во времени, что мой отец не воспитывал моего сына. Папа был необыкновенным человеком. Талантливый журналист-самоучка, он умел «разговорить» любого человека, и люди рассказывали ему то, в чем, может быть, сами себе боялись признаться. Он был не просто членом КПСС, а настоящим, искренним коммунистом, верившим в идеалы. Всю жизнь жалел, что не попал на Гражданскую войну в Испании. Зато на Финскую, на которую с Украины вообще не брали, и на Великую Отечественную пошел добровольцем. Он был контужен и обморожен на Финской, страдал до конца жизни болями в ногах, ранен под Уманью на Отечественной, награжден орденами и медалями. Он прошел с армией тяжелый путь отступления. Журналист и еврей, он форсировал Днепр при освобождении Киева в 43-м, и все, кто рядом рисковал жизнью на понтоне, стали Героями Советского Союза, он же получил орден Красной Звезды. Отец был военкором, служил в редакции газеты 40-й армии «За победу», в штабах не отсиживался, воевал с оружием в руках.

37-й год он «пересидел» на службе в действующей армии, а вся редакция «молодежки», в которой он работал, пошла в ГУЛАГ. После освобождения Украины от фашистов папа был демобилизован, работал в прессе в Киеве, Львове, Ужгороде, потом стал писать, перешел, как он говорил, «на вольные хлеба», вступил в Союз писателей. Хлеба эти были нелегкими, и он все мечтал дожить до пенсии, чтобы иметь хоть какой-то прожиточный минимум. Не дожил.

Стали выходить книги, ставилась пьеса о национальном герое чехов антифашисте Юлиусе Фучике. Пьеса под разными названиями шла в 70 театрах СССР, по всему миру. В Москве

ее взялся ставить в тогдашнем Театре Революции знаменитый Николай Охлопков, главную роль должен был играть Евгений Самойлов. Но потом Охлопкову попалась какая-то китайская пьеса, где по сцене должны были плавать джонки, а режиссер был падок на эффекты, и он передумал. Папина пьеса была поставлена в этом театре, но другим режиссером с неподходящим по возрасту актером, и когда спектакль был выдвинут на Сталинскую премию, то приехала вдова Фучика и все это забраковала. Другой спектакль по этой же пьесе, в Одесском театре Советской Армии, получил Сталинскую премию, но – беспрецедентный случай – автору премии не дали.

Спектакль по этой пьесе стал также дипломной работой прогремевшего позднее Анатолия Эфроса в театре Транспорта, позднее – имени Гоголя.

Судьба позднейших пьес отца оказалась менее успешной. Спектакль по одной из них в киевской Русской драме был снят с премьеры (уже были проданы билеты) из-за внутритеатральных интриг. После этого некоторые другие театры отказались от постановки. Отец очень тяжело перенес эту историю. Думаю, именно она послужила главной причиной его ранней смерти. Проза продолжала выходить. Пьесы также были изданы и приобретены Министерством культуры Украины. Последней работой отца стал двухтомный роман о Фучике «Не отрекись!».

Отца уважали все. Даже киевские «письменники»-антисемиты. Он никогда не боялся говорить то, что думает. Помню, как в августе 1968-го он в центре Киева громко возмущался советским вторжением в Прагу. А ведь это было еще как чревато.

Увы, еврей, пишущий по-русски, был самой низшей категорией на Украине. Пиши по-украински или даже на идише. Отец умер в коммуналке, не удостоился ничего лучшего кроличьей шапки (помните Войновича?). Он обладал необыкновенным, неистощимым чувством юмора, широкой эрудицией, хотя не получил никакого образования из-за ранней смерти деда и необходимости содержать семью. Статьи о нем помещены в Литературной и Театральной энциклопедиях, документы представлены в Театральном музее имени Бахрушина в Москве и других. Он живет в сердцах близких и друзей, мой сын Юра носит его имя. Я мысленно советуюсь с ним, часто думаю, что бы он сказал по тому или иному поводу.

О себе: Наталия Буряковская, редактор, переводчик.

Это фронтовой медальон моего папы Юрия Буряковского и вкладыш в него.

Елена Быстрова. История моей семьи.

История союза моих родителей – одна из типичных для послевоенного времени. Такой союз был возможен только в результате череды социальных катаклизмов 20-го века, когда громадные массы людей под влиянием обстоятельств и по воле "вождей" перемещались по просторам огромной страны, многие покидали ее навсегда. Люди теряли семьи, состояния, связь со своими общинами. И евреи не были исключением, а скорее наиболее активными участниками этого миграционного процесса.

Мой отец происходил из бедной многодетной семьи сапожника. Родился он в 1919 году. Семья жила в городе Коломые на территории тогдашней Польши. Семья соблюдала традиции, дети ходили в хедер. В городке жили поляки, украинцы, евреи, немцы. Национальные общины общались, но не смешивались, дети часто играли вместе.

Мой отец, как и многие дети городка, знал языки всех общин, но родным для него был, конечно, идиш. Трудное положение семьи усугублялось многолетней болезнью матери. Классического образования папе получить не удалось, но он был читающий, интересующийся миром человек. В 1939 году территория западной Украины отошла к СССР, а в 1941 году началась война и в город вошли немецкие войска. Отца сразу призвали в армию, а его семью вместе со всеми евреями городка сожгли немцы. Папу скоро "перевели" в трудовой лагерь для лиц, которым не доверяли воевать на фронте – членам семей репрессированных, евреям из Западной Украины. Лагерь находился в Поволжье, лютые морозы, голод, тяжелая работа, плохая одежда и ужасные условия жизни быстро губили людей. Отца спасло природное здоровье и доброта земляка – пекаря, делившего с ним припеком. После войны отец оказался в Москве, стал военным строителем. Самостоятельно овладел русским языком, грамотно говорил и писал. Он был добрым, сильным человеком с "золотыми руками", очень отзывчивым, эмоциональным.

А мама моя родилась в 1917 году в дружной зажиточной семье служащего из белорусского городка Сенно. У семьи был собственный дом, школа, в работе по дому помогала прислуга. Традиции соблюдались, в т.ч. кашрут, хотя семью нельзя было назвать ортодоксальной. В семье было четверо детей, моя мама была младшей и единственной любимой дочкой. И все это благополучие рухнуло с приходом советской власти. Дедушка "добровольно" отдал все имущество большевикам и смог со всем семейством перебраться в Москву. В Москве семья, как и большинство в то время, жила в общей квартире, скромно, но дружно. Отец смог дать сыновьям высшее образование, а вот мама не успела закончить педагогический институт. Потом была война, уход сыновей на фронт, эвакуация в город Чебоксары. Двое маминых братьев погибли на фронте, один вернулся после контузии больным и долго лежал в госпиталях. Дедушка в одночасье ослеп и умер в эвакуации после получения одновременно двух похоронок, а бабушка умерла в

1946 году, так не узнав о гибели сыновей и до конца ожидая их. Мама осталась одна с больным братом на руках. Она была интеллигентная девушка, добрая, но эмоционально сдержанная, привыкшая к образу жизни и менталитету своей семьи, обществу братьев – студентов, ученых.

И образовалась семья, которая с первых дней своего существования, кроме собственно налаживания семейной жизни двух столь разных людей, должна была решать множество задач, в т.ч. выживание "под колпаком" сталинских чекистов, боясь сказать лишнее слово. Необходимо было поддерживать, а поначалу и просто подкармливать маминого брата, вернувшегося с фронта контуженным, обустроить тяжелейший быт с дровяным отоплением и минимальными коммунальными удобствами. Сложно было и с работой, заработки были минимальными. И в этих условиях родители, особенно отец, старались хотя бы минимально "обозначать" еврейские праздники, в доме были книги еврейских писателей, и пока работал Еврейский театр родители с удовольствием посещали его. Отец с земляками–евреями ходил по праздникам в синагогу "на горку", но меня не брали по причине небезопасности этих походов.

Я росла в общем-то в ассимилированной семье. И хотя Израиль уже был на карте мира, но он существовал как бы в другой реальности, от которой мы были отделены тем самым "железным занавесом". У меня было много русских друзей, и я вполне идентифицировала себя с ними. Но часто в общении с ними в России я чувствовала свою некую инородность. И уже много лет спустя меня поразила мысль, что у моих русских друзей в российской земле лежат деды и прадеды, и это их земля и их Родина. Но ни моя мать, ни мой отец не родились в России. Мне захотелось пожить на своей земле, на своей Родине, на Родине своих предков. Это был долгий путь – узнавание обычаев, воскресная школа в синагоге и летние лагеря в ИКЦ для дочери. И вот мы здесь – моя дочь, внук, зять и я. И круг замкнулся – мы вновь, как и наши прадеды, живем среди евреев, но теперь уже на своей земле, как и народы в других странах. Мы открыты общению, миру и как гостеприимные хозяева открываем гостям двери нашего дома.

Да, не все просто на Святой земле, медленно – медленно варит плавильный котел Израиля современный еврейский народ, многие мешают этому процессу, добавляют трудности постоянные теракты и войны. Все эти процессы жизнь не упрощают и не украшают. Да и с языком не просто, – но дорогу осилит идущий. И мы в пути.

На этих старых фото изображены мой прадедушка – Берк Апштейн и моя прабабушка (его жена). Они жили в городе Сенно, в Белоруссии.

Моя бабушка Элла (справа) и моя мама Эсфирь Апштейн (Москва, 1940)

На этом фото – правнучка (я, Елена Быстрова), праправнучка (моя дочь Левана) и прапраправнук – ее сын Яир.

Семён Августевич. Примус.

Зина потеряла сознание почти сразу, как отъехали от станции. Воды в бачок не налили, сказали, что скоро Саратов, там напьетесь. Пока стояли, теплушка наполнилась жаром от путей. А когда поехали, люди потянулись к дыре в полу, и началась такая вонь, что дышать стало нечем.

Она помнила, как вдруг сделалась мокрой от пота. Успела только сказать:

– Гриша, сыночек, мне что-то плохо очень. Ты смотри за Софой...

И отключилась.

Очнулась только, когда, подъезжая к городу, теплушку стало нещадно мотать и трясти на стрелках и разъездах. Софа была вся зареванная. Она размазывала сопли, грязь и слезы по лицу и ныла на одной ноте: Мама, мама, мамочка... Гриша испуганно смотрел в материнские глаза, придерживая на ее лбу мокрую тряпку. Зина, наверное, обмочилась, пока была без сознания. Или пришли эти дни. Было очень неприятно. Но их, наверное, поведут в санпропускник. Там можно будет помыться и сполоснуть юбку. Может быть, удастся найти какие-то тряпочки.

Поезд встал. Двери открыли. Народ стал собирать узлы. Зина была, как оглушенная. Все происходило как не с ней, как в тумане. Механически она вылезла из теплушки, встала в очередь. Солнце пекло нещадно. Софочка все время ныла.

– Мама, куда мы? – спрашивал Гриша. Она не отвечала. Она боялась думать, куда она пойдет с детьми. Без денег, без одежды.

Кто-то выдернул ее из очереди со словами:

– Эту вот, с двумя детьми, возьми, она не дойдет.

– Я что, резиновый? Куда мне еще троих? – закричал какой-то парень, но, взглянув ей в лицо, махнул рукой: садись.

Гриша быстро залез через борт, она подала ему Софу, а сама все никак не могла залезть в кузов и очень боялась, что машина уедет без нее. Потом они ехали по городу. Она бездумно смотрела из-за борта на дома, тротуары. Один раз, когда глаз зацепился за вывеску «Булочная», спазм так скрутил живот, что ее чуть не стошнило. Но обошлось.

Машина время от времени останавливалась. Какая-то тетка вылезала из кабинки, выкрикивала фамилии. Кто-то слезал, народу в кузове становилось меньше. Назвали ее.

– Гольдштейн, двое детей. Кировский район.

Они долго сидели на лавочке во дворе, кого-то ждали. Пришла какая-то расфуфыренная дамочка, спросила:

– Вы меня ждете?

– Я не знаю, – сказала Зина. Мы из Смоленска, эвакуированные. Двое детей. Мы не ели три дня. Только кипятки.

– Ну да, – сказала дамочка, – а мы тут объелись марципанов. Ждите. Как фамилия?

– Гольдштейн, – вдруг сказала Софа, – золотой камень.

– Ну, конечно, золотой, как же иначе, – проворчала дамочка. – К нам другие не приезжают. Вещи где?

– Вещей нет, – сказала Зина.

– Как нет? Совсем?

– Совсем.

– А чего так бежали? Хоть бы одежду какую... Евреи?

– Да.

– Ну, ждите, – сказала дамочка и куда-то ушла.

Вышла не скоро, с каким-то мужичишкой.

– Вещей у них нет, нести нечего. Пойдешь с нами, а то, как вселять, так крик и драка. Пошли.

У Зины кружилась голова, но она шла. Чувствовала, что надо продержаться. Еще немного. Вот, наверное, за этим садом. Но до сада не дошли. Остановились у какой-то двери, напротив красивого высокого дома с башнями и флюгерами.

– Сначала поедим, а то ты прямо на пороге умрешь, – сказала дамочка. Жди нас тут, не уходи, чтобы я тебя потом не искала, – сказала она мужчине. Тот ничего не ответил.

Зашли. Зал был почти пуст. Сели за стол. Подошла официантка.

– Мы по талонам, – сказала дамочка, протягивая какие-то бумажки. Эвакуированные. Четыре порции.

– А вы тоже эвакуированная? – спросил Гриша, – из Смоленска?

– Ага, – сказала дамочка. Как же. Из Ленинграда. Как я рада, что вы все из Ленинграда. Отец где?

– Отец на фронте.

– Он кто был?

– Почему «был»? Он плотник.

– Ага. Плотник. Иосиф зовут.

– Нет, – сказал Гриша, – Борис. Борис Моисеевич. Мы живем на улице Советская, дом 18, квартира 3.

– Ага, – сказала дамочка, – живете. Советская-немецкая.

Она осторожно хлебнула супа, передернула плечами и положила ложку.

– Ешьте всё. Я не буду. Ешьте. Завтра придешь, встанешь на учет, получишь талоны еще на один обед. Сейчас поселим тебя. Может, чего у соседней попросим.

У Зины после еды ноги не шли. Она несколько раз без сил прислонялась то к забору, то к стене дома. Дамочка торопила:

– Пошли, пошли, потом отдохнешь, уже скоро, рядом.

Вошли во двор. Какой-то дом. Поднялись на второй этаж. Дверь открыл толстый мужик. Он стоял в дверях, заполняя весь проем. За ним угадывалась большая чистая комната.

– Бочаров Евгений Васильевич, – прочла по бумажке дамочка. – К вам на поселение эвакуированная из Смоленска гражданка Гольдштейн Зинаида Гиршовна и двое детей. Мы из ЖЭКа. Дайте нам войти. Пропустите. Вот ордер.

– Постойте, постойте, – колыхая лицом, заговорил Бочаров. – Как на поселение? А я? Я где буду? Нет, это нельзя, подождите. У меня одна комната. Нет, это ошибка. Подождите, подождите. У вас что написано?

– У нас написано: Бочаров, две комнаты.

– А, вот видите. А вторая комната – это кухня. Кухня. Она отдельно. Вот. Отдельно. Конечно. Конечно. Вот во вторую комнату. Да, это можно.

– Но ты в дом-то пусти, – вдруг сказал мужичишко. – У тебя там чего?

– А ничего. У меня тут ничего. Вот поселим их, – он показал на Зину, – и зайдем ко мне. Все обсудим, не сомневайтесь. Все спокойненько обсудим, везде распишемся, посидим, поговорим.

– А кухня где? – грозно спросил мужичишко. Дамочка молчала, глядя Бочарову в глаза. Тот, кивая головой, как бы успокаивая ее, приговаривал:

– Тут, тут, прямо рядом, вон дверь.

– Ну, как? – спросила дамочка Зину, – пойдём, посмотрим?

Зина боялась только одного: чтобы не упасть в обморок прямо тут, на глазах у этой дамочки и толстого Бочарова.

А Бочаров шагнул в коридор, потянув, закрыл за собой дверь. Щелкнул замок, Бочаров побежал по лестнице, распахнул дверь в какое-то темное помещение и радостно закричал:

– Вот она, кухня. Отдельная комната. Стол есть. Табуретка. Еще одну дам. Пока чего на пол положишь. Потом кровать собьешь, топчан какой. Чего надо? Все есть. Окно даже.

– А чего темно-то? – допрашивал мужичишко. Дамочка молчала.

– Ну, там, заложили его. Но это не важно. Лампочка есть. Вода есть. Слива нет. А ни у кого нет. Выливаем.

– А печка?

– А что печка? Сейчас – зачем? Потом печка-то. Помогу. Стол есть. Табуретка. На пол пока чего положишь....

Дамочка осторожно вошла в кухню.

– Иди, смотри, – позвала она Зину. Та шагнула за порог, и в лицо ей ударил спертый холодный воздух, как из погреба. Посередине маленькой комнатенки стоял стол. На нем – примус.

– Согласна? – спросила Зину дамочка.

Зина молчала.

– Ну, ты пока смотри тут, привыкай, а мы распишемся, – сказал Бочаров, трогая за локоть мужичишку и ведя его к своей двери. Дамочка пошла за ними.

– Не хочу тут, – сказала Софочка, теребя Зину. – Маам, я не хочу.

Гриша молчал. Потом он сказал:

– Маам, мы будем тут жить? Тут лучше, чем с ним. Я с ним не хочу. А примус он нам оставит?

Зина молчала. Постепенно к ней приходило сознание всей безнадежности.

Одна. Без ничего. Как она будет жить?

– Сидите тут. Я сейчас, – сказала она детям и пошла к Бочарову.

Тот открыл не сразу.

– А, вот как раз ты. Иди, распишись, что согласна.

На столе были помидоры, зеленый лук, горбушка хлеба.

Дамочка ткнула наманикюренным ногтем в тетрадь.

– Тут и тут.

– А как мне с детьми? Куда их? Чем кормить?

– Ну, дадут тебе потом направление в садик, пойдешь работать, купишь им чего-то. Ты чего у меня спрашиваешь? Я тебя не звала в гости. Самим трудно. Талоны на обед дадим на завтра. Пойдешь работать – получишь карточки. Завтра к девяти приходи за талонами. Давай, иди. Я зайду к вам.

– Вы на пол чего постелить не дадите? – сказала Зина Бочарову.

– Да, да. Потом, потом. А своего нет? Ты чего, сразу спать что ли? Иди.

– А примус? Примус оставите нам?

– Чего это сразу – примус! У тебя кастрюльки где? Ты сначала кастрюльки наладь. Примус! Ты чего варить-то будешь? В чем?

У Зины брызнули слезы.

– Мне бы детей положить... Мы выскочили, как были. Только паспорт успела взять. У меня муж на фронте.

Бочаров нахмурился, посуровел.

– Ты мне демагогией не занимайся. «Муж на фронте!» У всех «на фронте». Ты, это, не привыкай чуть чего – «дядя дай». Сама давай. Иди.

– Ну, как? Дал он примус? – спросил Гриша.

– Нет, сынок. Да мы сами потом купим.

– А давай я сразу работать пойду, а потом, когда война кончится – в школу?

– Хорошо. А пока возьми Софочку и идите во двор. Я немного одна побуду.

Дети ушли. Зина, стоя в дверях, закусив губу, смотрела на эту конуру, понимая, что ее обманули, предвидя, сколько она хлебнет лиха в этом каменном мешке с заложенным окном, без печки и кровати. Но у нее уже не было сил ни спорить, ни просить.

Она молча опустилась на засаленную табуретку.

Семён Августевич. Лейтенант Моисей Августевич, русский...

Я помню, когда пришла похоронка на Мосю. Мне тогда уже было 6 лет. Я играл во дворе. Стояла сонная жара. Окна были распахнуты. Вдруг раздался нечеловеческой силы мамин крик:

– Мося!!!

Я остолбенел. Потом бросился, прыгая через ступеньки, домой. Мама иногда путала имена детей и кричала мне: "Мося, домой!" Но так?!!

Мама лежала на полу в луже воды как мертвая. Соседка брызгала на нее из ковшика, стоя над ней на коленях.

– Мама, мама, – затормошил я ее. Мама открыла глаза. Взгляд ее был бессмысленным. Казалось, она ничего не понимает. Но вот она увидела соседку, склонившуюся над ней, меня...

– Семочка, – закричала она и забилась в рыданиях, – Мосю убили!

Весь день она билась в истерике. То, теряя сознание, валилась на диван и затихала, то вскакивала, садилась и, раскачиваясь, сквозь рыдания повторяла:

– Мосенька, Мосенька, Мосенька, это я виновата, сыночек...

Потом пришел брат, пришли какие-то родственники, соседи. Из рук в руки передавали "похоронку". В извещении от 4 мая, подписанном каким-то командиром, говорилось, что "ваш сын погиб..." Вместе с ним пришло и письмо, помню, написанное очень красивым, ясным и четким почерком, которое даже я мог прочесть. В нем говорилось, что "командир танка лейтенант Михаил Иосифович Августевич, русский, 1924 года рождения, погиб в бою и похоронен у деревни Красницы, Быховского района Могилевской области". А ниже, уже обычным языком, как будто это была не официальная бумага, той же рукой было написано: "Михаил был отличным другом и храбрым воином. Экипаж танка, которым он командовал, всегда выполнял боевые задания командования. 8 апреля он производил танковую разведку боем, и его танк был подбит огнем противника. Мы, его друзья, будем помнить Михаила и отомстим за его смерть немецко-фашистским захватчикам".

Поздно ночью, когда я уже спал, пришел с работы отец. Сквозь сон я слышал, как мама снова рыдала и причитала:

– Ося, Ося, что мы наделали, Мосю убили, это мы виноваты.

*Мося – курсант Саратовского танкового училища, 1943 год;
письмо Марии Павловны Альховик нашим родителям*

Родители тяжело переживали Мосину смерть. У мамы долго не прекращались истерики, она постоянно плакала, глаза от слез как-то выцвели, потускнели. Постоянной чередой шли сердечные приступы, капли, скорая помощь, острые головокружения. У отца на нервной почве развились воспаления на лице и ногах, он ходил на работу в валенках, обмотанный какими-то тряпками, от него остро пахло лекарством. Мама писала в Мосину часть командиру. Она надеялась, а вдруг какая-то ошибка. Сколько тогда было этих историй – похоронка пришла, а через полгода солдат возвращался домой... Мама спрашивала, может быть, он мог как-то спастись? Но ей снова написали, что танк был подбит. И прислали Мосин планшет, его фотографии и что-то еще. На этом переписка оборвалась.

Брата назвали в честь маминого отца, Моисея Якерсона, но на русский манер, Михаилом. А в доме и на улице все звали его Мосей, Моисеем. Имя Михаил осталось только для документов. Первенец, он рос шепутным и подвижным, а вырос отчаянным заводилой. Семья жила тогда, снимая малюсенький полуподвал в частном доме на Симбирской улице, выше Большой Горной, которая как бы отделяла цивилизованный центр Саратова от быстро плодившихся на его окраинах бедных домишек. "Кругом горы, а в середине – воры", – говорили тогда о Саратове (а сейчас?).

Горные мальчишки, отстаивая свою независимость, дрались и постоянно воевали с теми, кто жил ниже. Мося был в первых рядах. Илья, его брат, на два года моложе, в эти ватажки не входил, жил безбедно, знал, что никто не тронет. А если тронет – Мося "башку отвернет".

Мама, конечно, за него волновалась постоянно. То в садах придет, подравшись, то бровь разбита. Когда в 1937 г. родился я, третий сын, отцу дали жилье получше, почти в центре, недалеко от Волги, рядом с садом "Липки", на улице со смешным названием "Бабушкин взвоз". Мося быстро и там сошелся с ровесниками из бараков грузчиков, и мама от волнения за него места себе не находила. Поэтому, как только представилась возможность, Мосю отправили работать на завод "Комбайн". В первые же дни войны он был перепрофилирован в самолетостроительный, выпускали сначала ЯК-1, а потом ЯК-3. Мося оказался в цеху сборки топливных баков, на конвейере.

Работал сначала по 10-12 часов, потом по 16, потом и больше. В конце месяца – вообще чуть ли не круглосуточно, поспать давали 3-4 часа и снова к конвейеру. Но и в другие дни было не лучше. Завод – за городом, чтобы добраться до него – только на трамвае больше часа пилить. А еще идти, ждать... Поэтому спали прямо в цеху, в закутках. Родные привозили еду, ждали у ворот. Несколько раз отпускали сходить домой помыться – и опять в цех. Для мальчишки 16-17 лет такой режим – каторжный. А что делать? Немцы под Сталинградом, Саратов каждый день бомбят. Каждую ночь, а то и днем немцы пытались разбомбить мост через Волгу – стратегическая цель, – связывающий Центральную Россию с Южным Уралом и Западной Сибирью. Воздушные бои почти над домом, во дворе полно осколков зенитных снарядов. Но угнетало и другое: сверстники пошли на фронт, а он, заводила и верховод, "с жестянками ковыряется".

Мама (в девичестве – Двося Якерсон), Лепель, 1914 год;

папа, Иосиф Августевич, 1940 год

В одну из побывок Мося, вконец замотанный и обессиленный, опоздал на работу, проспал. Закон военного времени: опоздание приравнивается к прогулу, за прогул – трибунал. Может быть, мама пожалела будить его, может быть, просто провалился в сонное беспамятство – не знаю. У него перед этим был такой случай – во сне рука свесилась и коснулась печки. Ожог получился до волдырей. Но он не проснулся, так был измучен. А тут мастер сказал ему – отдам под суд. Неделю отработал, мастер говорит: "Домой не пойдешь, все равно дело в суд передаю". Мося, конечно, не промолчал, чего другого, а послать подальше он умел без задержки. Но и мастер, видать, не таких обламывал. Короче, махнул Мося через забор и...

Тут семейные предания расходятся. Брат говорит: ... И пошел в военкомат, отказался от "брони" (с авиационного завода на фронт не брали), а оттуда его направили в танковое училище. Но папа мне рассказывал, что Мося пришел к нему на работу, в котельную и сказал: "Всё, не могу больше. Мастер взъелся, судом грозитя, да и работать уже сил нет". Отец ему: "Ты что? Как? Сам ушел с завода? Знаешь, что тебе будет?" А тот: "Папа, помоги мне, я на фронт пойду, все ребята на фронте, а я жестянки клепаю". Отец хоть и работал слесарем, но считался мобилизованным, был в звании сержанта. Первую, как

тогда говорили, империалистическую прошел, был ранен. О том, что такое война, фронт – имел представление. Но он попросил кого-то из офицеров, ему сказали, пусть приезжает.

Мося от него поехал в училище, оно недалеко, почти в городе. Приехал без документов, они же остались дома и на заводе. На него посмотрели и спросили: "Русский?" Как ответить? А если не примут – что тогда? Он ответил – русский. Тут же позвонили на завод: "Михаил Августевич у вас числится?" "Да. А где он? Мы его ищем..." "Поздно, – отвечают, – он у нас, идет добровольцем". Отец, когда пришел домой, все рассказал... Представляю, что было, что ему мама высказала. Крик, слезы. Но дело сделано.

Через два месяца однажды я проснулся от шума и грохота. Мося, в солдатской шинели, с винтовкой, а рядом с ним еще какой-то солдат. Они были в патруле по городу и заскочили на считанные минуты, даже не разделись. Мося принес мне сахар, который он сэкономил от своего пайка, ссыпая его в подворотничок, такую полотняную колбаску с сахаром, и луковицу. У меня тогда на ногах были голодные язвы, от недоедания. Он мне сказал: "Вот съешь луковицу, все пройдет, я приду в следующий раз – посмотрю".

В следующий раз он пришел не скоро. На очередном занятии инструктор поторопился опустить танковый люк, удар пришелся по правой руке и "откусил" фалангу на большом пальце. К счастью, указательный остался цел, а то не избежать бы им с инструктором штрафбата. А так, даже в госпиталь не положили. Походил месяц после операции забинтованный – и все зажило.

Рассказывает брат Илья: "Мося как-то передал записку: "Приезжай повидаться, я на полигоне на Одиннадцатой Дачной". Мама что-то собрала, я поехал за город, долго искал, но нашел. Встретились. Он выглядел бодро. Но толком поговорить не удалось. Рассказал, что рядом с ним хорошие парни, учиться трудно, но у него все получается хорошо. Передал всем привет, договорились, что я приеду через неделю.

Однако, когда я приехал через неделю, полигон был пуст. Никого. Я долго стоял, размышляя, что делать, куда идти, где искать. Стояла холодная ветреная осень. Вдруг он вышел ко мне откуда-то. С винтовкой, с вещмешком за плечами. Выглядел усталым и подавленным. Разговор не клеился. "Ну, все, пока, я пошел. Времени нет. Нас, вроде бы, досрочно выпускают". Я отдал ему гостинец из дома, он сунул его в карман шинели и пошел по дороге, что спускалась вниз, к шоссе. Он шел, не оглядываясь, одинокая его фигурка становилась все меньше и меньше, пока не исчезла из вида. Я стоял, потрясенный и его неожиданным появлением, и кратковременностью встречи, и тяжелым прощанием. Кажется, в эти минуты я понял, как уходят на войну".

Осенью 1943 года он был направлен в часть, которая располагалась (или формировалась) где-то севернее Курска. Это было уже позже Курской битвы. Затем их часть включилась в наступление наших войск направлением на запад через Белоруссию. Затем наступление остановилось, и фронт оставался неподвижным несколько месяцев до весны (до начала операции "Багратион"). Конечно, Мося писал с фронта. Все его письма были бодрые, но мы понимали, что это он щадит маму. "Мы на отдыхе", "выдалась свободная минута, и я пишу вам, что жив-здоров", "опять

отдыхаем”. “Просто курорт какой-то, – говорила мама, недоумевающая. – Так не бывает, он обманывает меня”.

Потом он написал, что получил от командования благодарность, затем еще. Эти благодарности “Верховного Главнокомандующего”, одна за взятие города Речицы, вторая – (кажется) Калининвичей, нам их прислали потом из его части с его документами и фотографиями.

Мама так до конца и не верила в его смерть. Из-за того, что письмо командира было написано в мае, а в похоронке был указан апрель, ей казалось, что в гибели Моси командиры не были уверены. У нее была надежда, что вдруг он придет, вернется. То по радио рассказывают про танкиста, лицо которого обгорело до неузнаваемости, и он не хотел после лечения ехать домой, чтобы не расстраивать своих родных. И мама после этого постоянно говорила, что это, наверное, про Мосю, он не едет, потому что ранен или обожжен и боится ее расстроить, глупый. То говорили, что после похоронки сын вернулся цел и невредим, а мать так обрадовалась, что сердце от радости не выдержало, и она умерла у сына на руках. И мама стала носить с собой постоянно валерьянку, чтобы не быть застигнутой врасплох неожиданной счастливой встречей.

Ее сомнения питали также слова, что танк был подбит в разведке. Ей все казалось, что это как бы не в бою, как бы не всерьез. Откуда ей было знать, что танковая разведка, когда войска готовятся перейти в наступление, – это почти всегда верная гибель для экипажа. Танк выезжает за передовую без прикрытия, активно маневрирует, провоцирует оборону противника. По нему бьют, а наблюдатели засекают эти огневые точки. Танк ищет цели, атакует их, а его обстреливают. Редко, когда танк сможет уберечься. Даже если машина сразу не загорелась, не взорвалась, даже если просто подобьют, и кто-то останется в живых, – бежать некуда, свои далеко, а немцы – рядом. Раз прислали документы, значит экипаж понимал, что вернуться назад шансов мало. Документы в таких случаях с собой не брали, оставляли в штабе.

Еще маму мучило, что Мося записался русским. Когда он ушел в училище, она постоянно волновалась, как он будет себя чувствовать среди других мальчишек, когда поведут в баню. Вдруг начнут дразнить или смеяться, а Мося ведь такой, он же не промолчит, ответит, а это ведь армия...

Уже после его смерти в который раз перебирая похоронные бумаги, все недоумевала, как такое могло случиться, что ее Мося – и русский. Вроде как бы отрекся от нее. Разве из какого-нибудь документа не было видно, что он еврей? Уже много лет спустя для каких-то дел она запросила в ЗАГСе копию его свидетельства о рождении. Там, в графе “национальность родителей”, и у нее, и у отца стоял прочерк. Так вот как можно было скрыть национальность, когда нужно было попасть на фронт.

Потом мама решила написать в деревню Красницы, где был похоронен Мося, вдруг там что-то про него знают. Письмо так и ушло безадресным: просто “деревня Красницы, Быховской район”. Каково же было ее потрясение, когда из этого далекого белорусского села пришел ответ от неизвестной нам Марии Павловны Альховик, который потряс всех своей человечностью. Завязалась переписка. Одно из писем

сохранилось. Вот оно:

”Здравствуйте, дорогие Иосиф Семенович, Двося Моисеевна, ваш сын и вся ваша семья!

С приветом к вам Мария. Во первых строках своего письма спешу сообщить, что я ваше письмо получила, большое спасибо вам за ответ. Про вашего сына я хочу ответить, ведь мы хоронили всех, кто был в могиле и кто еще так лежал, и свозили всех в общую могилу. Там теперь стоит памятник – солдат с ружьем. Про тех, кто лежит в могиле, я знаю много про кого, ведь, когда свозили и брали документы, где можно было прочесть адрес, тем писала на родину и сообщала, а которых нельзя было прочесть, тех документы положила в могилу. Адресов было много. Писали мне с Сибири, Украины, Урала, очень много даже приезжали сами. Если вам представится возможность, то приезжайте. Ехать к нам хорошо. Сначала до Москвы, потом Москва – Орша, в Орше пересадка на Быхов. В Быхове сходите, а на станции садитесь на автобус прямо до Красницы, остановка около памятника, близинка, платить за автобус 40 коп. Немножко о себе. Муж работает в милиции участковым, обслуживает 33 деревни. Я работаю начальником почтового отделения ”Воровское”. Имеем дом и все хозяйство, хороший сад. Местность очень красивая. В лесу только нет речки. У нас совхоз – народ работает в совхозе. Я во время войны также защищала Родину, была в партизанах разведчицей, очень много перенесла горя и страха под пулями и снарядами, была ранена, топили немцы в болотах два раза, но только осталась в живых, а моих товарищей потопилось много. Муж мой перед войной уехал в Ленинград и переносил Ленинградскую блокаду, вы про нее, наверное, слышали. А родителей его здесь немцы убили 8 человек. Только он один остался. Эту Красницу немцы сожгли с народом вместе, весь народ закрыли в домах, сараях, школах, в клубе, а потом подпалили, только тот остался, кто куда спрятался. Если бы вы приехали, я бы вам очень многое рассказала. Когда я не видела войны, я часто спрашивала у родителей, что такое война, а теперь как вспомню, так сердце замирает от ужаса, хотя бы ее больше не видеть и не слышать. У нас сейчас очень много снарядов и мин, вот неделю назад разорвало снарядом мальчика 12 лет. Меня немцы хотели увезти в Германию, но я удрала и пошла в лес к партизанам. Моя мама 2 года не знала, где я, ходили всякие слухи, что партизан потопили, и мать приняла все это близко к сердцу и умерла. У родителей есть 4 сестры. 3 из них живут в Могилеве, а одна здесь, в деревне.

Представится возможность, приезжайте, я вам все покажу и расскажу. Будьте здоровы и живы. До свидания. Привет от моей семьи всем вам”.

Мама все рвалась поехать в Красницы. Но здоровье было подорвано, не могла решиться. А с брата взяла слово, что он Мосю навестит.

Мама впервые на отдыхе в 1947 году; брат, Илья Августевич, 1965 год

Илья дважды ездил в это село. К брату.

Мне он рассказывал: "Ездил я туда через год-два после смерти мамы. Кажется, это было в 1976 году. Приехал на автобусе из Быхова. Остановка у памятника на окраине села. Стою. Проходят мимо бабки. Расспрашивают: кто такой? Спрашиваю их: "Где можно остановиться переночевать? Я приехал навестить могилу брата". Одна из них повела к себе домой. Вечером собралась вся ее родня, соседи, вспоминали и рассказывали, кто что знал про военное время.

Когда немцы наступали, они село прошли без боев. Спокойное село осталось в тылу. Но мужики ушли в лес, партизанить.

Однажды один из них поехал на подводе в село за провиантом. При подъезде к селу увидел низко летящий немецкий самолет. Обстрелял его. Через несколько часов в село прибыл карательный отряд. Собрали всех, кто был в поле, велели оставаться в домах, сказали, что будут по домам раздавать документы. Двери заперли и стали поджигать дома. Только некоторым удалось чудом спастись. Кто-то случайно не был в этот день дома, а кто и через огороды ползком смог скрыться. Особенно свирепствовали полицаи-украинцы, а некоторые немцы, увидев уползающего беглеца, отворачивались, делая вид, что не видят.

Когда наши начали наступать, фронт приблизился к селу и остановился на несколько месяцев. Сколько за это время было убито – никто не считал. Временами шли какие-то местные бои. Немцы понастроили доты на окраине села, а наши стояли в лесу. Сильные бои начались, когда наши весной 1944-го перешли в наступление... Прорывали немецкую оборону трудно, много полегло. Когда фронт ушел на запад, местное

население пошло убирать трупы. Какие были еще недавние, а какие пролежали несколько месяцев. Собирали всех, и наших, и немцев. Выкапывали из снега по оврагам, вырубали из льда, свозили в одну могилу. Из подбитых танков бабы вытаскивали трупы, уже разложившиеся, крючьями, собирали документы, медальоны. Потом такие, как Мария Павловна, писали письма родным.

На следующий год я приехал туда с фотографией Моси на эмалированном овале. Вмонтировал ее в цоколь памятника. Остановливался у тех же людей. В эти дни проходило поминание усопших на кладбище, расположенном неподалеку. У памятника погибшим воинам также был митинг, организованный местной властью. Помню, что я был порядком пьян (все считали непременно долгим меня угостить), но выступил со словами благодарности к властям и жителям села.

Вообще меня поразило внимание и к памяти погибших, и к моей скромной персоне. Вот все, что осталось в памяти.

С Марией Павловной Альховик встречался. Она-то и рассказывала, как оставшиеся в живых жители села были привлечены собирать и свозить в одну яму трупы и наши, и немецкие, разбросанные по полям, вмерзшие в еще не растаявший до конца снег и лед”.

В прошлом году я тоже написал письмо в Красницы. Я послал его на имя начальника почтового отделения ”Воровское”, где работала Мария Павловна.

”Может быть, остался кто-то, кто помнит Марию Павловну Альховик, знает о ее родственниках. Мой брат похоронен в братской могиле у деревни Красницы, где стоит памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну. Я хотел бы передать привет от нашей семьи родным и близким Марии Павловны, может быть, я что-то могу сделать для них”.

Ответа не было. Видимо, никого уже не осталось из родных Альховик. Или времена стали другие.

Времена точно стали другие. Из нашего времени мне, сегодняшнему, хочется разглядеть моих родителей, братьев, понять, что чувствовали и думали они тогда, 75 лет назад. Они, простые, не очень образованные люди, конечно, многого не знали. Но интуитивно понимали, что жизнью сыновей их заставляют расплачиваться за какие-то политические игры. То Гитлер – плохой. То – хороший, и с ним заключают мир и дружат. То всех маршалов и генералов, как предателей и шпионов, расстреливают, то уже без шпионов, руководимая честными коммунистами, пятимиллионная армия почти за полгода войны исчезает, пропадает без вести, оказывается в немецком плену, в каждом дворе, чуть не в каждой квартире – похоронки, враг у ворот Москвы и Ленинграда. В городе – облавы, всех мужчин призывного возраста прямо с улиц забирают в армию, немцы у Сталинграда. Кто в этом виноват, их дети?! Не забыли они, как дважды в советское время пережили голод в Поволжье, чудом остались живы мама и бабушка. Мне трудно представить себе более или менее нормальных родителей, с радостью провожающих своих детей на войну. А тем более еврейских родителей, для которых семья и дети – наивысший смысл и ценность жизни.

Но совершенно другое дело, когда ребенок оказался уже в армии. Тут, конечно, честная служба, достойное поведение, личная храбрость становились главным. И к этому даже не надо было призывать, это было результатом воспитания, естественным поведением.

Сегодня на памятной стеле на территории Саратовского авиационного завода в честь погибших на фронтах Великой Отечественной войны работников завода выбита строка: "Михаил Иосифович Августевич".

Простил, значит, ему родной завод опоздание.

Есть памятная строка и на обелиске в Саратовском танковом (теперь каком-то ракетном) училище (теперь, понятно, военном университете).

И в Музее Славы на Соколовой горе в Саратове, где стоит видный всему городу памятник "Журавли" всем саратовцам, не вернувшимся с войны, в Книге Памяти, среди 800 000 имен (это столько погибло из одной только, не самой многочисленной, области России!) есть строка: "Лейтенант Михаил Иосифович Августевич, русский, 1944 год".

Коротко об авторе

Семен Августевич (род. в 1937 г.) - кандидат психологических наук, организатор первой в СССР лаборатории труда на автотранспорте, был известен еще в 1970-е годы как один из первых в стране создателей комнат психологической разгрузки. Преподавал в университете и институтах. Имел собственную психологическую практику консультирования. С 1989 года занимался организацией просвещения в области еврейской национальной культуры. Организовывал службы психологической помощи репатриантам, школы лидеров, создавал народные университеты еврейской культуры, проводил тренинги и семинары, издавал книги, газеты, журналы, в том числе российский общественно-публицистический журнал "Корни" (1993 – 2013 гг), публиковался в еврейской прессе. С 2006 года работал доцентом на кафедре журналистики Московского государственного гуманитарного университета. В Израиле с 2013 года.

Ривка Юха (Рапопорт). Моя семья.

Моя семья, отец, мать и я с сестрой, а также многочисленная родня со стороны мамы, – до войны проживала в г. Гомеле, Белорусской ССР. Их предки и родители до революции жили в еврейских местечках черты оседлости Российской империи.

В 1920-е годы семья моей мамы, Ейна и Хася Финкельштейн с девятью детьми, переезжает в уездный город Гомель, где к тому времени укрепилась советская власть. Здесь встретились мои родители, здесь создали они свою семью.

Мои родители:

Отец: Рапопорт Соломон Григорьевич

Дата рождения: 1905 год

Место рождения: м. Малятичи, Кричевский р-н,
Минская (Могилевская) обл., Белоруссия

Мать: Рапопорт (Финкельштейн) Даня Ейновна

Дата рождения: 1909 год

Место рождения: м. Паричи, Бобруйская обл., Белоруссия

После женитьбы в 1931 г. и рождения детей они жили и работали в г. Гомеле до начала Великой Отечественной войны. Мама была портнихой и работала дома. Отец был коммунистом, работал шофером на хлебозаводе. Наша семья перед войной имела свой дом, и у нас была домработница, т.е. была обеспеченной. Папу хотели послать в Москву учиться на рабфак, но мама его не отпустила.

Гомель начали бомбить с первого дня войны. Отец был мобилизован в армию уже в июне, мама со мной и сестрой эвакуировалась в Башкирскую АССР. Отец разыскал нас только в конце апреля 1942 г., но вскоре, через месяц, 31 мая он погиб в боях на Курской дуге. Мама получила извещение о его гибели и переехала с нами со станции Аксеново в Уфу, где она стала работать в швейной мастерской по пошиву военных мундиров.

В 1944 году мама с детьми и другие родственники вернулись в разрушенный дотла Гомель. Жили бедно и трудно. Чтобы прокормить нас, мама работала с раннего утра до позднего вечера. Она мечтала, чтобы мы получили высшее образование. Но это было не просто. В 1950-е годы, когда мы с сестрой закончили десятилетку с разницей в 4 года, ни

она, ни я не смогли поступить в престижные учебные заведения. Прием евреев в них был резко ограничен.

Сестра Татьяна поехала поступать в 1956 г. в Ленинградский государственный университет, но не поступила, и вернулась в Гомель. Здесь она в училище получила профессию чертежника и стала работать на кондитерской фабрике "Спартак", заочно окончила Московский пищевой институт и до отъезда вместе с семьей в Израиль в 1991 году работала конструктором.

Я окончила десятилетку в 1958 г. Поступала в Витебский медицинский институт, но не прошла по конкурсу и пошла работать на трикотажную фабрику, чтобы заработать трудовой стаж.

В 1960 г. я поступила в Московский текстильный институт, который окончила вместе с аспирантурой в 1970 г. по специальности "Материаловедение и технология трикотажных и нетканых материалов".

В 1968 г. я вышла замуж за Малкиеля Рафаиловича Юха, проживающего в г. Рига, Латвийской ССР. В январе 1969 г. у нас родился сын Марк. До отъезда с семьей в Израиль в октябре 1973 г. из г. Риги я работала три года в ЛатНИИЛПе (НИИ легкой промышленности).

До 1990 года я была единственным представителем моей гомельской родни в Израиле.

Мои родные, близкие и далекие, приехали в Израиль с миллионной алией 1990-х годов.

За эти годы в Израиль, на постоянное место жительства переехали моя сестра с мужем, два их сына со своими детьми и другие многочисленные родственники.

Мы были участниками и свидетелями великого исхода русскоговорящих евреев. Гомельские евреи не были исключением. Мама, к сожалению, не дожила до этих дней, она умерла в мае 1988 г.

Семья моей мамы Дани Финкельштейн, фото 1952 г. В центре бабушка Хася. Встреча в Гомеле после окончания войны и возвращения из разных мест эвакуации.

Мои Родители: Соломон Григорьевич Рапопорт и Даня Ейновна Рапопорт, (Финкельштейн), фото 1936 г.

Три сестры, слева направо: Роза, Вера и моя мама Даня Финкельштейн, фото 1931г. (г. Гомель)

Ривка Юха (Рапопорт). Письма родителям.

После того как я на встрече группы рассказала о своих родителях, о той связи, которую мы с сестрой чувствуем с ними, **Дина Каждан** предложила мне написать им письма. Я достала папины письма с фронта и мамины письма ко мне в Израиль и перечитала их. Потом я села к компьютеру и начала разговор с родителями.

Сначала с папой, погибшем в мае 1942 года на Курской дуге, которого знаю только по фотографиям, его письмам и рассказам о нем. Я рассказывала ему о нас, о нашей жизни в Израиле, как будто бы он продолжает жить среди нас.

После этого я написала письмо маме, переписка с которой прервалась с её смертью в 1988 году. Это также было письмо человеку, которого уже много лет нет земле. После моего отъезда в Израиль мы увиделись с ней последний раз в 1987 г. в Москве, после 14 лет разлуки, за 9 месяцев до её смерти.

А потом я ответила себе письмом как бы от её имени.

Я разговаривала в письмах с душами своих родителей и чувствовала, что, благодаря этим письмам, память и связь между мной и ими стали глубже и крепче. И не обрываются с их уходом из жизни.

Поэтому мне так близки строки Роберта Рождественского в его поэме "Реквием", которую я читала в группе и отрывки из которой приведены в этом сборнике.

Письмо отцу

Дорогой папа!

Это первое письмо, которое я пишу тебе.

Мне подсказали заглянуть в то место в моей душе, где хранится память о тебе, и поговорить с тобой. С тех пор, как в мае 1942 года ты писал маме и мне с Таней свои последние письма с фронта, с места, где ты умер от ран, похоронен и по сей день лежишь в общей могиле вместе с тысячами погибших в боях на Курской дуге, печально известной десятками тысяч павших там, прошло много лет.

Ты ласково называешь меня в своих письмах маленькой Ривочкой. С того времени прошло 74 года твоего небытия и моей жизни, которую ты мне подарил. В этом году, через месяц, я отпраздную свое 75-летие.

Твое потомство растет в Израиле, у тебя трое внуков, восемь правнуков и двое праправнуков. Твои две дочери, недавно овдовевшие, здоровы, живут в Иерусалиме, вблизи своих детей и внуков.

Я думаю, что ты и мама, глядя на нас из своего неземного мира, радуется тому, что мы живем в любви и дружбе, помогаем друг другу.

Каждый год, в мае месяце, мы с Таней идем на военное кладбище в Иерусалиме, где воздвигнут Памятник 200 000 солдатам, павшим в Великую Отечественную войну, и зажигаем свечи в память о тебе и маме, которая умерла в мае 1988 года и похоронена в Гомеле. Мы говорим о вас, вспоминаем то, что знаем о тебе от мамы и от родных. Мы внесли твоё имя и имя твоего брата Ефима в список музея жертвам нацизма Яд Ва-Шем, и в список Книги памяти, виртуального памятника в Интернете, воинам-евреям, участникам Великой Отечественной войны, погибшим солдатам и офицерам, где помещена твоя фотография и сведения о твоей жизни.

Война – кроважидное чудовище, которое отняло у тебя жизнь и радость растить своих детей и радоваться на внуков, а нас с Таней лишила отца и дедушки наших внуков.

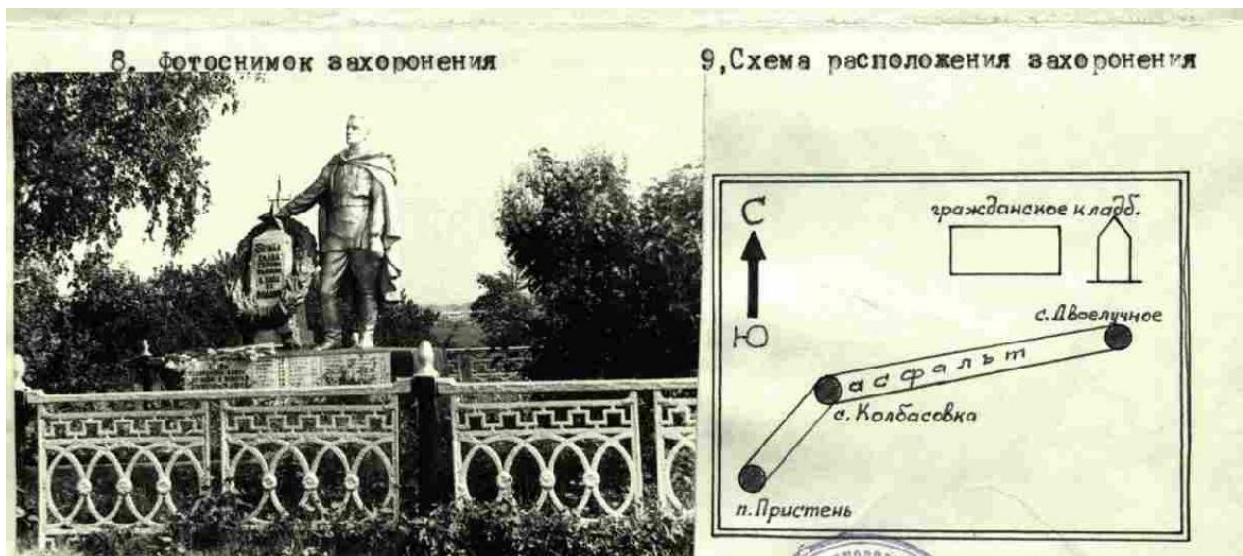
Мы с сестрой верим, что ты с мамой охраняете нас. Мы получили от вас часть ваших бессмертных душ. Ты отдал свою жизнь, мама посвятила свою жизнь, чтобы вырастить и сохранить нас. Благодаря вашей жертвенности, цепь поколений не прервалась. Вы живете в нас, ваших детях и внуках.

Слезы непрерывно льются из глаз, когда я пишу эти строки, но я рада, что написала это письмо.

Твоя Ривочка.

14/02/16

ИЕРУСАЛИМ

Памятник в Белгородской области на братской могиле, где перезахоронен мой отец Рапопорт Соломон Григорьевич

НКВД СССР
33

Идентификационный
карточка. Самостоятельно
паташман в в. с. в.

31 мая 1942 года
✓

Копия
Алексинскому РВК

Извещение

Ваш муж Рапопорт Соломон Григорьевич
слыш. проживает в Алексинском, Куровском обл.
(имя Рапопорт Данил Иванович)

В бою за Социалистическую Родину, верный
воинской присяги, проявив мужество и героизм,
был ранен и умер от ран.

Похоронен в Куровской обл. Троицкий район
село Черновцы в саду возле больницы.

Настоящее извещение является документом
для возбуждения ходатайства о пенсии
(приказ НКВД СССР № 220 4/г.)

М.Т. Командир части /подпись/
С подлинным верно: что и удостоверено
Алексинский район.
За пред. Сев. Заводков

Извещение о гибели отца 31 мая 1942 г.

Рапорт Соломон Григорьевич. Последняя довоенная фотография моего отца. Не перестаю восхищаться его одухотворенным образом.

Письмо маме

08.09.16

Дорогая моя мамочка!

Пишу тебе в мае, в канун празднования годовщины окончания Второй мировой войны, с которой неразрывно связаны судьбы твоя, папина и наши с Таней. Май - это месяц, в котором ты и папа ушли из жизни. Ваши могилы остались в стране Исхода, бывшем Советском Союзе, мы лишены возможности их посещать, поэтому здесь, в Израиле, каждую весну мы идем с сестрой на военное кладбище в Иерусалиме и зажигаем свечи около памятника воинам, погибшим во Второй мировой войне. Это памятник папе и тебе, которая вынесла нечеловеческие тяготы войны, эвакуации и спасла наши жизни.

Сегодня я читала твои письма, которые давно не перечитывала и не держала в руках. Я их бережно храню вместе с папиными и Таниными письмами.

Мы с Таней часто говорим о тебе и по крупицам собираем воспоминания детства. Сейчас, когда мы сами матери, вырастили своих детей и помогаем растить внуков, мы способны чуть-чуть понять, что пришлось испытать тебе, оставшейся одинокой в расцвете жизни, в

32 года, принесшей в жертву личное счастье, собственные интересы и посвятившей свою жизнь нам.

Ты своей жизнью, личным примером, научила нас человеческим и моральным ценностям, верности семье и своему народу. Ты вырастила нас, воспитала из нас граждан, дала нам образование, привила любовь к людям и к книгам.

В течение своей жизни ты вновь и вновь доказывала мне свою любовь и преданность. Приведу только два примера: ты оставила дом и приехала в Москву, а потом в Ригу, чтобы дать мне возможность закончить учебу и начать работать, когда я родила сына. В дальнейшем это обеспечило мне приличный заработок и пенсию. Второй пример – ты дала мне разрешение на отъезд в Израиль в 1973 г., в ущерб себе, лишив себя моей заботы и помощи.

Я тебе бесконечно благодарна за то, что твои внуки, мой сын и сыновья сестры, которых ты так любила, живут в свободной стране, растят детей, твоих правнуков и праправнуков. Все мы дружны между собой, помогаем и поддерживаем друг друга. Хоть нас с Таней и не минула твоя судьба, под конец жизни мы овдовели, но живем вблизи детей, общаемся с ними и с внуками. Это наполняет наши жизни смыслом и содержанием, помогает справляться с трудностями и возрастными проблемами.

Но, кроме благодарности и любви к тебе, я испытываю вину и угрызения совести за свое поведение во время нашей последней встречи в Москве, которая состоялась через 14 лет после моего отъезда в Израиль, летом 1987 г. Я приехала на неделю в Москву (мне не разрешалось покидать её пределы) под предлогом участия в конференции, но на самом деле, чтобы увидеться с тобой и другими родными, которые ради этой встречи приехали из Гомеля и Риги.

Ты, конечно, очень ждала этой встречи, а я закружилась в хороводе других людей, встреч и для спокойного разговора с тобой не находила времени, пока ты не сказала мне об этом. Это была наша единственная и последняя встреча. Через 8 месяцев, 5 мая 1988, тебя не стало. Сегодня я прошу у тебя прощения за невнимание к тебе и непростительный эгоизм во время этой встречи.

Жизнь твоя после моего отъезда была очень нелегкой. Кроме небольшой материальной помощи, регулярных писем и фотографий, я ничем не могла восполнить свое отсутствие. Но в твоих письмах не было упреков, только слова благодарности, выражение грусти и тоски.

Я мало говорила тебе, что люблю тебя, что благодарна тебе за все, что ты для меня сделала. Я не была рядом с тобой, когда ты заболела и умирала. Я только один раз была на твоей могиле.

Если можешь, прости меня.

Твоя Ривочка.

ИЕРУСАЛИМ

Ответ мамы

Дорогая моя доченька!

Даже не знаю, с чего начать, такой неожиданной радостью было для меня твое письмо. Ты пишешь, что образы мой и папы живы в твоём и Танином сердцах, что вы помните и говорите о нас, что чувствуете связь с нами. Через вашу память мы связаны с вашими детьми и внуками: Танин сын носит папино имя, твоя старшая внучка - мое.

Какой радостью для меня было узнать, что после многих лет жизни в разных городах и разных странах, вот уже 25 лет вы с Таней живёте в одном городе. Я всегда мечтала, чтобы вы дружили и были опорой друг для друга. Из твоего письма я узнала, что это так.

Я рада, что есть и моя доля в том, что ваши семьи объединились на земле Израиля, я принимаю твою благодарность. Это был нелегкий шаг для меня, но жизнь научила меня, что нельзя стоять и заслонять дорогу перед человеком, идущим по ней. Такой горький урок я усвоила из случая, когда не отпустила своего мужа, вашего папу, на учёбу в Москву.

Что касается нашей встречи в Москве, после 14 лет разлуки, то ведь главное - это то, что она состоялась, и мы смогли увидеться, поговорить и попрощаться перед тем, как расстаться навсегда. Я не держу обиду на тебя, и ты, пожалуйста, отпусти свою вину. Чувство вины – бесполезное чувство, оно камнем лежит на сердце. Это хорошо, что случай позволил тебе вернуться в тот момент твоей жизни, попросить прощения и сбросить со своей души этот камень.

Радуйся жизни, всему хорошему, что она дарит тебе. Используй любую возможность обогатить свою духовную жизнь, проверить свои мысли, свои реакции и эмоции на них. Ведь от этого зависит твоё настроение, самочувствие и, в конечном итоге, – физическое здоровье.

Твоя мама, которая любит тебя всегда.

Поколение детей и внуков

Внучка Элла Юхай, израильтянка, знакомится со своими корнями, рассказывает о бабушке Ривке

סבתי נולדה בבית היולדות בעיר גומל (בעבר הייתה עיר בברית המועצות וכיום היא מדינה) בשנת 1941 בחודש מרץ, להורים שלמה ודנה רפפורט כבתם השניה. ביוני 1941 כאשר ברה"ם התערבה במלחמת העולם השניה אביה גוייס לצבא האדום ואמה נאלצה לעזוב את גומל ולנסוע למזרח רוסיה יחד עם בנותיה. אביה נהרג במהלך המלחמה במאי 1942. בזמן המלחמה אמה עבדה בתור תופרת במפעל לבגדי צבא, וכשנודע לה בשנת 1944 שגומל שוחררה מהגרמנים, חזרו שלושתן לעיר. בשנת 1948 אמה התחתנה שנית עם בחור אלמן עם שלושה ילדים בשם סוקולין יוסף. בשנת 1958 היא סיימה תיכון ולמשך שנתיים עבדה במפעל טקסטיל בגומל. בשנת 1960 היא התקבלה ללימודי תואר ראשון, שני ושלישי באוניברסיטה במוסקבה ללימודי טקסטיל.

בשנת 1967 פגשה סבתי את מלכיאל יוחא והתחתנה איתו בשנת 1968. עקב הנישואים היא שינתה את שמה מרבקה רפפורט לרבקה יוחא.

בינואר 1969 נולד להן בן ושמו מארק. באותה תקופה בעלה גר בריגה איפה שהיה מקום עבודתו והיא במוסקבה יחד עם בנם. בשנת 1970 היא סיימה ללמוד באוניברסיטה, ובמרץ היא ובנה חברו לבעלה בריגה.

בריגה היא התחילה לעבוד במכון מחקר לטקסטיל.

באוקטובר 1973 עלתה סבתי עם בעלה ובנה שהיה בן ארבעה לארץ ישראל, והגיעו למרכז קליטה במחמורת, שם היא ובנה נשאר למשך שבעה חודשים בזמן שבעלה הלך ללמוד הוראה בירושלים. ביוני 1974 היא התקבלה לעבודה במכון הישראלי לסיבים ולכן יחד עם בנה היא חברה לבעלה והם קיבלו דירה זמנית בשכונת קטמון. לאחר שנה הם עברו לגור בשכונת גילה בדירה קבועה. באוגוסט 1996 בנה התחתן עם חגית אורון, ובשנת 1998 נולדה לה הנכדה הראשונה (אני). באותה שנה היא סיימה את עבודתה במכון לטקסטיל ויצאה לפנסיה מוקדמת, אך עד שנת 2005 היא עבדה כיועצת מקצועית לחברות פרטיות וממשלתיות. בשנת 2000 נולדה לה הנכדה השניה (נעמה).

בשנת 2005 היא ובעלה עברו לגור בשכונת בית הכרם שבירושלים.

בשנת 2007 נולדה לה עוד נכדה (ענת), ובשנת 2010 נולד לה הנכד האחרון (עומר).

כיום היא גרה יחד עם בעלה מלכיאל בבית הכרם ובנה גם גר באותה שכונה והיא עוזרת רבות לנכדיה, גיטתה ובנה בניהול חיי היום יום.

אירועים חשובים במהלך חייה:

פטירת אביה, לימודיה במוסקבה, חתונתה ולידת בנה, עלייתה לארץ, חתונת בנה, עבודתה בארץ, לידת נכדיה, נסיעות לחו"ל, השתתפות בכנסים בין לאומיים, פגישתה עם אחותה ב 1980 לאחר שבע שנים שלא ראתה אותה, פגישתה עם אמה וקרובים אחרים לאחר 14 שנה שלא התראו ב 1987, נסיעתה לביקור בעיר ילדותה לקבר אמה ב 1999.

תחומי עניין:

קריאת ספרים, צפייה בסרטים, פגישות עם חבורת, נסיעות לחו"ל, בילוי עם המשפחה, קונצרטים, הצגות, שמירה על כושר, שחייה.

Это семья моего сына. На фото Марк и Нагит Юхай, Элла, Наама, Анат и Омер. Большие любители путешествий по стране, идут по тропе Израиля от Метулы до (Эйлата)

СТИХИ

Роберт Рождественский. Реквием (фрагмент)

Вспомним всех поименно,

горем

вспомним

своим...

Это нужно —

не мертвым!

Это надо — живым!

Помните!

Через века,

 через года,—

помните!

О тех,

кто уже не придет

 никогда,—

помните!

Не плачьте!

В горле

 сдержите стоны,

горькие стоны.

Памяти

 павших

 будьте

 достойны!

Вечно

достойны!

Мечту пронесите

 через года

и жизнью

наполните!..

Но о тех,
кто уже не придет
 никогда,—
заклинаю,—
помните!

1962

Берта Риненберг. Крыши Старого города.

Куда меня в полдень горячий дорога ведет?
Туда, за ворота, где в небе молитва поет,
Где молятся, глаз не смыкая; торгуют; кричат о своем;
Разборки, союзы и флаги завязаны мертвым узлом;
Туда, за ворота, где воздух скрипит от жары,
Где бродит моя половина еще с той давнишней поры,
Когда между сном и войной мы смотрели друг другу в глаза...
Идем мы по каменным крышам.

 Внизу копошится базар.

Мы вместе заходим во дворик, что весь виноградом зарос,
Где вкраплены в толстые стены огни бугенвилей и роз;
Крест, вдавленный в камень тяжелый, всё к новым погромам зовёт,
Никто никого не утешит, ничто ничего не спасет...
А мы всё живем, вопреки предсказаниям, интригам, войне,
А мы себе бродим по крышам, по направленью к Стене...
Тот маленький дворик – пространство и время
 он словно кинжалом рассек...
И кофе, и кровью пропах коварный и древний Восток.

Фрида Мостовая. Иерусалим

Иерусалим!..

Я только песчинка под солнцем
палящим твоим.

Я камешек ломкий в изогнутых
улиц волне,

Я синего неба осколок, звенящий
в ночной тишине.

Иерусалим!..

С тобою мы вместе овеяны ветром
горячим, сухим.

С землей твоей страждущей вместе
мы ждем,

Что небо одарит нас теплым
осенним дождем.

Иерусалим!..

Стою на коленях пред древним
величием твоим.

Но как бы хотелось, открывши
глаза поутру,

Улышать, как листья березки
трепещут весной на ветру.

Иерусалим!..

Я б горе и радость делила
с тобою одним,

Но в мире есть город другой, что
навек любим.

Прости меня, Иерусалим.

1991 г.